

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a forest at night. Tall, gnarled trees with dark bark and sparse foliage frame the scene. A path of light blue stones leads through the forest. A red, glowing ribbon-like energy flows through the scene, looping around the central figure and the title. Several glowing yellow butterflies are scattered throughout the forest, some near the trees and others near the path. The overall color palette is dominated by dark blues, purples, and greys, with the red of the elf's cape and the yellow of the butterflies providing contrast.

Александра
Рау

ЛЕГЕНДА
ОБ ЭЛЬФИЙСКОЙ
ЮГИБЕЛИ

Словотворцы. Ковен магических миров

Александра Рау

Легенда об Эльфийской Погибели

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рау А.

Легенда об Эльфийской Погибели / А. Рау — «Издательство АСТ», 2023 — (Словотворцы. Ковен магических миров)

ISBN 978-5-17-159749-8

Трон Греи пустует, свадьба Ариадны и Ханта скоро свяжет их судьбы, а Минерва объявляет о нападении на другую страну, намереваясь пройти через заселенные эльфами горы. Но что, если у нее есть другой, тайный мотив, который она прикрывает жаждой наживы? Териат всеми силами борется за то, чтобы родные ему земли не пострадали от рук честолюбивой принцессы, и проходит через многое, чтобы защитить своих близких. Он пошел по лисьим следам, и беда уже явилась за ним – а это значит, что пришла пора удачи. Или нет?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159749-8

© Рау А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александра Рау

Легенда об Эльфийской Погибели

© Александра Рау, 2023

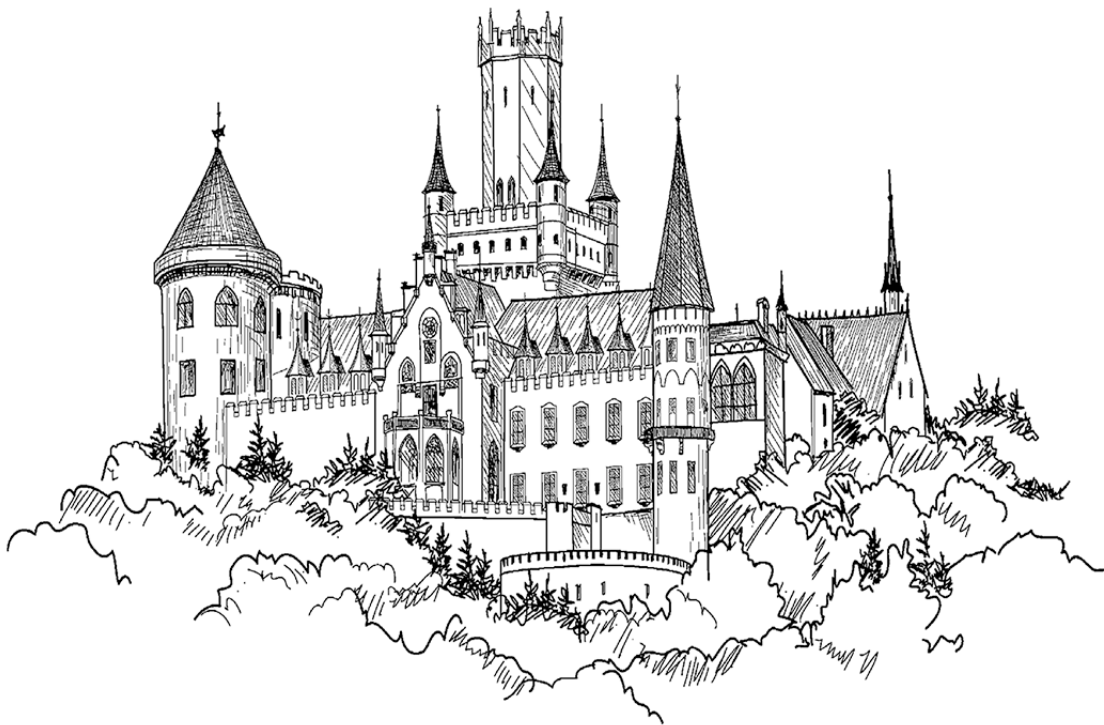
© бильвизз, иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации, 2023

© fcnjt art, внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Обычно спокойный, правитель горных эльфов тем вечером не мог найти себе места. В голове то и дело всплывали лица, которые он старался не вспоминать, и слова, что желал никогда боле не слышать, а еще лучше – никогда не произносить. Так много лет они тяжестью лежали на сердце, что оно прекратило болеть – лишь гулко билось и ныло, напоминая о себе в ночной тиши.

Ноги сами принесли его к пещере, что прочие обходили стороной. Тысячелетние горы промерзли до основания, и от одного взгляда на них пробивала дрожь, но холод был не страшен тому, чьи глаза были зоркими и чистыми – светлее самого чистого льда.

В пещере было сухо. Темно-серый дракон, свернувшись клубком, безмятежно спал. Воздух шумно входил в огромные ноздри и так же шумно из них выходил, а покрытая толстыми пластинами грудь плавно вздымалась. Животное наверняка узнало его – по запаху ли, по звуку шагов, по стуку посоха, что везде сопровождал аирати, – и лишь капризно поерзало, пытаясь устроиться на каменном полу. Правителю бояться шквала огня не стоило, однако втайне он сомневался, имеет ли над драконом истинную власть, и оттого вздрогнул, когда тот пошевелился.

Обойдя преданного хранителя вверенного ему сокровища, аирати замер на узкой дорожке – хвост животного преграждал ему путь, и это было к лучшему. Иногда он желал надеть проклятую корону: упиться своей болью, понести наказание за ошибки, услышать крики жены, лишь бы вспомнить звук ее голоса. Но затем, отбросив эмоции, эльфийский король понимал: он поступил правильно. Он не мог позволить своему дитя пострадать от того, что было суждено этому миру. Пророчество – дар Богини, а Мать Природа не лжет. И он сделал все, чтобы увиденное им не сбылось.

– Пришел ответ с Кристальных скал. – Голос прозвучал неожиданно; Рингелан совсем забыл, что приказал Эйену найти его, как только появятся новости. – Они согласны помочь.

– И чего же они хотят взамен?

– Ничего.

Рингелан недоверчиво хмыкнул – он был убежден, что бескорыстием прикрывались лишь самые безнравственные мерзавцы. Впрочем, те, с кем он вел переговоры, и не славились кротким нравом.

Аирати бросил последний взгляд на украшенную изумрудами корону, и камни печально блеснули, поймав свет редких в тот день лучей солнца.

Эйен нерешительно переступал с ноги на ногу. Подобное жесткому старейшине было несвойственно – он никогда не стеснялся в выражениях и не отступал перед трудностями.

– Как мне кажется, их интересует нечто... отличное от того, что вы предлагали ранее. – Эльфийский правитель и его ближайший соратник спускались по узкой дорожке, ведущей к дворцу аирати. Из кустов изредка слышались шорохи, и между листьями мелькали морды волков, что повсюду сопровождали своих хозяев. – Они ищут вашей дружбы.

– Не знал, что ты можешь быть так наивен. – Уголки губ аирати едва заметно приподнялись. – Всадникам не нужны друзья. У них есть драконы.

Казалось, Эйен ожидал от своего короля иной, более бурной реакции.

– Их предводитель... говорят, он делит с вами одно горе. Его жена и дитя...

Рингелан вздохнул, вынуждая старейшину остановиться. Эйен нечасто пытался обсудить с аирати что-то личное, а потому выходило у него скверно, и желание бросить затею с каждым мгновением становилось все нестерпимее.

– Жажду отмщения невозможно утолить, Эйен. Они могут верить, что их помыслы чисты, и помочь нам, но затем, оставшись неудовлетворенными, все равно назовут свою цену. И мы можем оказаться к ней не готовы.

– Да, пожалуй, я был наивен. Прошу простить.

– Добейся от них четкого ответа. Помощь Всадников нам необходима.

Старейшина кивнул и ускорил шаг, желая как можно скорее скрыться с глаз, как он думал, разочарованного в нем короля. Мысли Рингелана, однако, так и не покинули пещеру, в которой древний дракон тихо посапывал, своим телом ограждая символ торжества людей над добром и открытостью эльфийской души. Злосчастный кусок металла, сумевший расколоть как отдельные семьи, так и целый народ.

Устало потирая глаза, аирати тихо прошептал:

– Если мы не победим, выходит, я зря ее прогнал.

Глава 1

После объявления, прозвучавшего с башни Заката, над замком нависло черное облако скорби. Знать заперлась в своих комнатах, оплакивая почившего короля. Впрочем, как говорили слуги – а Лэсси непременно делилась со мной каждым слухом, что казался ей хоть сколько-нибудь интересным, – придворные боялись за собственную жизнь. И свободу. Ведь даже если их непричастность к гибели правителя была очевидна, а сами они провели ночь в запретных объятиях где-нибудь на окраине Греи, горе королевской семьи могло утянуть их в свою пучину.

Людей, чьи сердца кровоточили от свежей раны, никто не винил. Осуждали и обсуждали – бесспорно, – но в мире людей, где смерть впервые касается души очень рано, а затем терзает ее непростительно часто вплоть до старости, в этом не было ничего необычного. Эльфы понимали смерть несколько... иначе. Мы встречались с ней редко, готовились к ней долго и размеренно, а провожали со слезами и почестями. Люди прощались с родной душой навсегда – мы начинали ждать, когда встретимся с ней вновь.

Расположившись в покоях капитана Фалхолта, куда периодически заходили и прочие гости, решившиеся выбраться из своих нор, мы сидели, уставившись на пламя свечей. Ариадна нервно прикусывала нижнюю губу, то и дело тяжело вздыхая, а когда разодрала ее до крови – потянула руку ко рту.

– Помнишь, как в детстве я отучал тебя грызть ногти? – спросил Кидо, перехватывая ее пальцы.

Ариадна скривилась и содрогнулась всем телом, пряча руки за спину. Капитан хмыкнул, словно знал, что напоминание о тех временах сработает безотказно, и я с грустью подумал, что мало знал об их совместном прошлом. Бэтиэль говорила, что каждая девочка мечтала о старшем брате: таком, что защищал бы ее, вытаскивал из передряг и влюблял в себя всех ее подруг – дело было в детстве, и последний пункт Бэт выделила как особенно важный. Полагаю, для Ариадны это было не мечтой, а реальностью; я не верил, что на свете существовал человек, которому Кидо не сумел бы понравиться.

Не выдержав выжидающего взгляда брата, Ариадна поднялась с места и начала медленно расхаживать по комнате.

– Я понимаю, что это она. *Знаю*, что это она. Но все же... – лисица замялась, подбирая слова. – Богиня, мы же выросли вместе! Он воспитывал нас, когда-то даже в лоб целовал на ночь. Да, скажем честно, всего пару раз, но... он был нам отцом. Как она... могла это сделать?

– Думаешь, если на кону власть, ее может остановить такая мелочь, как кровные узы?

Грусть Ариадны каждые десять минут сменял гнев – а затем они вновь менялись местами. Иначе она не могла справиться с бурей эмоций, не выпадая из реальности, – то сетовала на злой рок, то поражалась бесчестности старшей сестры, непременно приправляя реплики проклятиями. Так или иначе, она справлялась – своим, особенным способом. В отличие от капитана.

Король совсем недавно стал ему настоящим отцом, отчего потеря ощущалась ярче, а дыра в душе казалась глубже. Глядя на дрожащие губы и покрасневшие глаза Кидо, я терялся. Будь на его месте Индис, я бы потрепал его по голове, крепко обнял, рассказал бы похабную шутку или прочел нудную лекцию о том, как важно жить дальше – иначе говоря, сделал бы все, что он любит и ненавидит, лишь бы привести его в чувство. Позволить подобное по отношению к капитану я не мог; мы, очевидно, сблизились, но он все еще был главой королевской стражи, а я – странником, заглянувшим в Грею лишь потому, что там намечался праздник. Точнее, не был им, но все же.

Я поднялся со стула, на котором в молчании провел последние полчаса, и сделал два неуверенных шага к двери.

– Думаю, мне лучше уйти.

– Останься, – хором ответили брат и сестра.

Изумленный неожиданной уверенностью в их голосах, я застыл на месте; они удивились не меньше.

– Ты доверяешь ему? – обратилась к капитану Ариадна. – Я тут столько наговорила, теперь стыдно даже, что не обсудила с тобой, когда лучше держать рот на замке. Добавила проблем. Конечно, нам же их не хватает! Богиня, да почему же я не затыкаюсь?...

– Да, – коротко ответил Кидо. – Доверяю.

Тишина.

– Не спросишь меня о том же?

– В этом нет нужды, – пожал плечами капитан, глядя в пол. – Ты любишь его, значит, вопрос о доверии не стоит.

Ариадна гулко сглотнула, и глаза ее расширились. Я вновь обратил внимание на их сходство; они оба взяли лучшее от отца. Выразительные глаза, темные волны волос. Я ведь заметил это еще в первую встречу; возможно, поэтому, совсем не зная, чего ожидать, с такой теплотой отнесся к капитану – разглядел в нем любимые черты. Однако их сходство с лисицей было не только внешним.

Ариадна бросила на меня взволнованный взгляд, будто умоляя придумать отговорку, возразить, прикрыться своей легендой. Я хотел отыскать слова, но все они казались глупыми и бессмысленными – ничто из того, что я мог произнести, не заставило бы капитана отказаться от своих слов. Он не предполагал. Утверждал – хотя мы с Ариадной никогда друг другу подобного не говорили. По крайней мере вслух.

– Мне не нужно знать деталей, – по-доброму усмехнулся Кидо. – Того, что я знаю, достаточно. Расскажите как-нибудь потом, когда у нас будет время обсудить это в таверне за пинтой эля.

Ариадна стремительно приблизилась к брату и упала в его объятия; он чуть вытянул шею, чтобы устроить подбородок на ее макушке. Мозолистая рука медленно поглаживала спадающие по спине младшей принцессы волосы, будто бы успокаивая ее, но Ариадна не проронила ни слезы – лишь сбивчиво дышала. Кидо отодвинул сестру от себя и взглянул ей в глаза.

– Выходит, ты уверена, что это дело рук Минервы?

Ариадна кивнула.

– Жаль, что мой ответ таков же.

– Расследование поручено тебе? – обратился я к капитану, пока тот раздвигал кипы бумаг и усаживался на стол, который по какой-то причине всегда предпочитал стульям.

– Да. Ею лично.

– Любопытно, как далеко Минерва позволит ему продвинуться.

Чуть позже мы поняли, каков был ответ, – ни на шаг. Она заваливала капитана различного рода поручениями, не имеющими никакого отношения к смерти короля, будто пытаясь отослать его подальше от зала совета и всех его членов. Никто, кроме нас, не смел и думать, что старшая принцесса имела отношение к смерти собственного отца. Кроме нас троих и королевы Ровены.

Она несколько дней не покидала тело короля. «Разбита и уничтожена» – так Ариадна описывала ее состояние. Любовь к Эвеарду не была частью образа или игрой, призванной скрыть брак по расчету, – она была чистой и самозабвенной. Подозревать падчерицу ей казалось постыдным: она растила ее как собственную дочь, хоть принцесса и не принимала ту заботу, что Ровена могла и хотела ей дать. Постыдным, и все же в ее сердце с каждым днем крепла уверенность, что Минерва замешана в преждевременной кончине ее горячо любимого мужа.

Ровена писала письма отцу, что многие десятилетия не покидал пост правителя Драрента, в надежде на его реакцию. Я не совсем понимал, какой именно помощи она ждала – с расследованием, с поддержанием порядка в Грее, с ее личными вопросами, – но многочисленные гонцы так и не принесли ни единого ответа. Вероятно, потому, что она желала получить его немедленно и забывала, сколько времени требуется на дорогу до Драрента и обратно. Бессердечно было упрекать ее в этой ошибке; захлестнутая горем, как волной взбушевавшегося Сапфирового океана, она едва ли могла трезво оценивать хоть что-то.

Ариадна пыталась добиться от сестры и короля Дамиана переноса свадьбы, чтобы траур по ее отцу прошел как полагалось, но единогласным решением они отказались идти на такие траты. Праздник откладывать было нельзя, ведь гости, чьи многочисленные рты приходилось кормить, давно были расселены по комнатам, а корабли и повозки подготовлены к их отбытию в ближайшие дни после торжества. Королевство держалось лишь на мысли о предстоящем браке – как эмоционально, не позволяя себе проваливаться в бездну скорби, так и финансово, подпитываясь золотом островного короля, – и все же отдельные лица, мелькающие в коридорах, полнились тоской по ушедшему правителю.

– Хант совсем не появляется, – сказала лисица негромко, оглядывая тренировочный зал. Мечи гвардейцев сталкивались, наполняя воздух симфонией металла.

– Я пару раз видел его с отцом, – задумчиво протянул я, прежде считавший, что честь как можно реже видеть его лицо выпала лишь мне. – И прочими островитянами.

– Мне же лучше.

– Он не приходит даже к тебе?

– К счастью.

– Надеюсь, что к счастью, – насторожился я. – Это странно.

– Ты тоже странный, – ухмыльнулась она, нападая. Я легко ушел от предсказуемой атаки. – Хочешь видеть его в моих покоях почаще?

Кидо присвистнул. Последние несколько минут он пристально наблюдал за нашим боем. Я бросил на капитана многозначительный взгляд, но тот не смутился:

– Не могу назвать себя его поклонником.

Уловив момент для атаки, я еле сдержался, чтобы не прижать принцессу спиной к песку. Остановившись вместо этого в миллиметре от ее лица, я опустил меч и показательно поклонился, выражая благодарность за честь тренироваться с ее высочеством. Ариадна разочарованно фыркнула и, бросив тренировочный меч прямо в руки капитана, двинулась к выходу из зала. Кидо расхохотался. Я ощутил себя дома: будто я вновь дитя, окруженное друзьями – Индисом и Бэтиель, – и беззаботно дурачусь, распахнув двери своей души.

На мгновение я позабыл обо всех бедах.

Некоторые ночи я стал снова посвящать сну – уставал сильнее прежнего. Сон был, скорее, ритуалом для отдыха разума, нежели способом восполнить силы, но за пару часов до рассвета я все же оказывался в кровати.

Загадочный голос, впервые коснувшийся моего слуха на поляне у Дворца Жизни, стал в моей голове частым гостем. «Аарон, – звал он без конца. – Аарон». Я вспоминал, что Маэр-эльд рассказывала мне об Аароне: древнеэльфийский король, чья страшная смерть от, вероятно, людских рук по-прежнему вселяла страх в сердца моего народа. Пытался представить, как именно люди могли настолько очернить образ светлого короля, что его имя навсегда покинуло наши края, но так и не придумал подходящего варианта.

Вернулась в мои сны и Минерва, но не как прежде – лишь мимолетной вспышкой на заднем плане. Ее власть, очевидно, набирала силу: как среди знати, так и внутри нее самой – я почти ощущал вибрирующий вокруг Минервы воздух, наполненный неведомой мне энергией, – но я перестал быть для нее целью. Эту забаву она оставила – если не насовсем, то лишь до момента, пока скука вновь не поглотит ее и ей не захочется отобрать у сестры то, чего за все годы так и не появилось у нее.

Писк, едва не сделавший меня добычей голодного кабана, тоже вернулся. Иногда он звучал беспорядочно, но порой его перезвоны обретали форму знакомого имени. «Аарон». Азани говорила, что это переводится как «хранитель порядка». С момента появления в замке и до смерти короля я слышал его лишь однажды – в саду, когда встретил Минерву в одном ночном платье, – но теперь оно преследовало меня каждую ночь. Хранитель бы сейчас не помешал: порядок в Грее, безусловно, был нарушен.

Капитан Фалхолт искренне пытался это исправить: выполнял бесконечные поручения старшей принцессы, остатки времени тратя на расследование убийства короля, отчего порой забывал о сне и еде. Мы с Ариадной пытались отыскать его, чтобы узнать, как идут дела, но шли дни, и поймать Кидо становилось лишь сложнее: он не появлялся ни на приемах, ни на советах, ни на обедах и ужинах. В какой-то момент мне показалось, будто он и вовсе исчез из замка – по своей воле или воле новой правительницы, – но тем же вечером я нашел его задумчиво стоящим у камина.

– Кого-то ждешь? – спросил я, облокотившись на каминную полку так, чтобы видеть лицо капитана.

– Того, кто придет.

– Если ты о Лэндоне, то я видел его совсем недавно. – Я задумался, вспоминая обстоятельства нашей встречи: мы обменялись мимолетными приветствиями, когда я возвращался из конюшни. – Кажется, я видел, как он направлялся к оружейнику.

– Забудь. – Кидо не глядя похлопал меня по плечу. – Боюсь, с Хюн Ки нас отныне мало что связывает.

Я невольно нахмурился.

– Мы верны разным наследницам престола.

Кидо поднял на меня усталые глаза, испещренные тонкими красными молниями. От разглядывания документов в темноте и тяжелых раздумий на лбу капитана проступили морщины – на молодой загорелой коже они смотрелись нелепо, но добавляли пресловутой солидности. И делали его больше похожим на того, кто занимает столь серьезный пост.

– Как давно ты спал?

– Не знаю, – пожал плечами он. – Сегодня чуть не уснул в темнице, пока допрашивал подозреваемого.

– Подозреваемого?

Кидо огляделся и молча указал рукой на дверь в свои покои. Войдя, он сразу же направился к постели; пыль с покрывала взмыла в воздух, приветствуя почти забытого хозяина.

– Магистр Рагна и советник, оказывается, тоже не сидели без дела, – зевнул он. – Мы получили наводку на старика с кухни. Все там твердят, что видели, как он чем-то капнул на тарелку короля и затем сбежал.

– Они уверены, что это был яд?

– Они уверены во всем, что их заставят сказать под страхом смерти или тяжестью монет.

Я упал в кресло. Дыхание капитана становилось размеренным и ровным, а слова превращались в неясное бормотание; сон цепкими лапами хватал его, пытаясь утащить в свое царство. Я открыл рот, чтобы спросить, как мне найти пленника, но тут же услышал сопение Кидо. Позвав служанку, чтобы та раздела капитана – сон в доспехах вряд ли принесет ему долгожданный отдых, – я отправился искать пленника самостоятельно.

Разумеется, он находился в темнице, что, как паучья сеть, простиралась по подземельям замка. Но где именно? Я не бывал в тюрьмах прежде. Пустят ли меня туда, если я прикроюсь праздным интересом и ненавистью к завистливому старику, погубившему великого короля?

Вход никто не охранял. Пахло сыростью и ее близкой подругой – плесенью, – что так хорошо уживались вместе. Из открывшейся двери потянуло холодом, и я невольно поежился. Пройдя три поворота, я наконец набрел на первый освещенный участок; тело будто само поспешило к факелам, уже успев истоскаться по теплу.

– Господин, – прогремел голос дремлющего на хлипком стуле стражника. Он вскочил, устремив пику в потолок и оглушительно звякнув доспехами. – По какому делу?

– Я слышал, вы схватили отравителя короля, – заискивающе прошептал я. – Разрешите взглянуть?

– С какой целью?

Проклятые вопросы.

– Как благодарный гость короны, – слегка поклонился я, – я бы хотел взглянуть в глаза того, кто лишил Грею справедливейшего из правителей, и убедиться, что его грязные руки не доберутся боле ни до одного честного человека. Разве такие люди не заслуживают общественного порицания?

– Еще какого! – захохотал стражник, слегка покраснев. Мои речи порой и меня вгоняли в краску; правда, по другим причинам. – Вас проводить?

– Полагаю, справлюсь сам.

– В конце коридора, – указал он на проход к длинной череде железных клеток. – В самом конце, чтобы, даже если захочет сбежать, по пути переломал ноги.

Я учтиво кивнул и снял со стены один из факелов; по замерзшей руке прокатилась волна приятного тепла. Земля была ухабистой, с торчащими из нее корягами и камнями; без толстой подошвы и должного внимания бежать по ней действительно опасно. Коридор был узким, так, чтобы, стоя в середине, стражник без усилий мог дотянуться до камер как по правую, так и по левую сторону. Все клетки до единой были заняты, некоторые – заполнены сверх меры.

Живя рядом с Греей и в самом ее сердце, я нечасто слышал о разбойниках, ворах и хулиганах, но сейчас на меня умоляюще смотрели десятки лиц, тянувшихся к теплоте света огня. Кто-то из них давно ждал приговора: кожа поражена проказой, от одежды остались жалкие лохмотья, просвечивали кости, демонстрируя последствия постоянного голода и жажды. Кто-то еще не освоился и под неодобрительные взгляды старожилы пытался запугать абсолютно безразличных стражников своими связями во дворце. Надзирателей было недостаточно, чтобы обращать внимание на беспорядки, устраиваемые заключенными, и потому они попросту закрывали на все глаза, занятые разговорами друг с другом, игрой в кости или дневным сном.

У камеры убийцы короля было пусто; даже к такому важному заключенному не проявляли никакого интереса. Впрочем, его незачем было охранять. Произнеся слово «старик», капитан ни капли не преувеличил; казалось, пленник еле находил силы, чтобы передвигаться, а если и совершал движение, то сопровождал его громким кряхтением.

– И чем же ты занимался на кухне? – вырвалось у меня.

– Тестом, – ответил он, ничуть не удивившись. – Пек пироги для всех детей Эдды и Эдвульфа!

Он произнес это с гордостью, будто был единственным, кто остался в замке с тех пор. Имена родителей короля Эвеарда впервые коснулись моих ушей, хотя я и видел многочисленные упоминания их персон в родословных книгах Греи. Эдвульф и его жена Эдда не были знамениты ни боевыми походами, ни выдающимися успехами в развитии города или торговли; они слыли добрыми, но несчастными людьми. У них было двенадцать детей, и почти все умерли в возрасте до трех лет от страшных болезней, которые либо были с ними с рождения, либо возникли вскоре после него. До отрочества дожили лишь трое: Эвеард, его старший брат Адриан и младшая сестра Агнесс. Традиция потомков Уинфреда давать детям имена на букву «э» началась именно с него, но, по какой-то причине, не считая будущего короля Греи, все дети Эдды и Эдвульфа явились живой демонстрацией их протеста. Суеверная толпа была уверена, что своим неуважением к традициям королевская чета разгневала богов, и потому те забрали их детей себе, однако причина, вероятнее всего, заключалась в родственной связи супругов.

Влюбленные были кузенами. Их не поженили бы, если бы не округлившийся живот юной Эдды, на коленях молившей прощения у отца. Они приняли гнев богов с достоинством и были счастливы хотя бы потому, что их первенец Адриан рос здоровым и смышленным, а Эвеард – достойной ему сменой. После смерти короля Эдвульфа Адриан отказался от престола, предпочтя славе правителя славу воинскую, и Эвеард взошел на престол. Тайнственная любовь и рождение Минервы не сыграли на руку молодому королю, заметно испортив его облик в глазах народа; скрытный король – это неизвестность, а неизвестность – это страх. Через месяц совет уже представил Эвеарда новой невесте – Ровене из династии Каstellло, что приходилась троюродной племянницей его матери, – и так еще один король Греи женился на своей кузине. К счастью, их гнев богов не коснулся.

Агнесса стала жрицей, отказавшись от благ происхождения, и место, где она обрела покой, никому не известно. Адриан погиб в бою за месяц до рождения младшей дочери Эвеарда; в его честь, хоть и с некоторыми изменениями в порядке букв, ее и назвали.

– Я ничего не подмешивал королю, – всхлипывал заключенный, забившись в дальний угол камеры. – Я бы... Я бы никогда...

– Но вы признались.

– Вы бы тоже признались.

На мгновение я представил, что свалилось на бедного старика: куча стражи, мечи, пики, злые взгляды, кандалы, крики. Правда беспомощного слуги весила не больше гусиного пера против железного слова Минервы.

– Мне и так осталось недолго, – вздохнул он. – Боги знают, кто лжет, а кто честен.

– И примут, оценив по делам, а не словам.

Старик взглянул на меня устало, но с легкой улыбкой; он понимал, что так не говорят с тем, в чью вину беспрекословно верят. Я должен был плевать в него и осыпать проклятиями, желая самых страшных мук до смерти и после нее, но мне незачем играть, если никто не смотрит. Казалось, он со своей участью смирился; осталось смириться и нам.

Утром капитан Фалхолт силой вытащил меня из постели, ничего не объяснив; впрочем, в этом не было нужды. Я прекрасно понимал, что за событие привело на городскую площадь толпу заспанных горожан, поднявшихся с первыми лучами солнца.

– Сохраняя верность короне, я объявляю смертный приговор человеку, посмевавшему считать себя главнее богов и вершить судьбы, – то и дело переходя на хрип, вещал капитан. Ложь вставала ему поперек горла. – От имени королевства мы наказываем его тело, чтобы душу его могли наказать боги.

Капитан сделал два шага назад; толпа, привычная к казням, поступила так же. Старика вывели на помост и заставили опуститься на колени. Его голова лежала на плахе, но он не пытался вырваться. Ему не дали права сказать последние слова – хотя я уверен, что он и не нашел бы подходящих, – и исполинский топор стальным поцелуем скользнул по его хрупкой шее. Капля крови долетела и до меня, обосновавшись в сантиметре над бровью.

Толпа ликовала: «Грея вновь заживет спокойно и счастливо, – думали люди, – ведь преступник найден, а это значит, что чести и жизни короны больше ничего не грозит». Толпа верила, что павшая на Грею тень уйдет, и поднимающееся из-за горизонта солнце – прямое тому доказательство. Однако каждая тень обязана своим рождением свету, и пока мир освещает хоть один солнечный луч – жива и его темная, всепоглощающая сестрица.

Поручения Минервы перестали доносить Кидо в ту же секунду, когда древо помоста окрасилось кровью. Оставшись без работы, что занимала весь его разум в последние дни, капитан бесцельно слонялся по замку, пока не встретил такого же задуманного сомнениями меня. Единогласным решением было утопить мысли в жидком золоте медового эля.

– Я никогда не хотел быть принцем, – произнес он подавленно, вспоминая разговор, произошедший во время нашего прошлого визита в таверну. – И теперь мне кажется, что у меня нет права скорбеть по отцу.

– Право на скорбь есть у каждого. Взгляни, – я кивнул на полупустые столы за его спиной. – Таверны пустуют, бочки с элем пылятся. Народ скорбит. Почему нельзя тебе?

– Потому что я обрек того старика на смерть, но отец так и не отомщен.

– Ты не мог спасти его.

Я четко произносил каждую букву, будто заставляя поверить в сказанное и себя. Что мы имели против воли Минервы? И все же гадкий, гнилой привкус вины на языке отравлял мои слова.

– Однако, оставшись на своем посту, можешь попытаться спасти остальных.

– Звучит, конечно, здорово, – хмыкнул он. – Но один я не справлюсь.

Я поднял пинту и вытянул руку вперед. Мы стукнулись кружками, обмениваясь каплями эля, как делали воины в знак дружбы и верности – чтобы доказать отсутствие яда в напитке, – и сделали несколько шумных глотков. Пинты шли одна за другой, согревая тело изнутри и расслабляя мышцы. Чем больше ночь укрывала Грею, тем быстрее заполнялся зал; горожане заходили угрюмые, измученные, но спустя несколько глотков на их лицах возникали улыбки, а смех наполнял воздух над их столами. Жизнь возвращалась в привычное русло, как и должно, но мы знали: мир двигался к хаосу.

Разум, как и тело, расслабился: взгляд стал менее внимательным, движения замедлились, слух притупился. Голос стал громче, шутки – глупее. К нашему скромному застолью постепенно присоединялись знакомые лица: подопечные капитана – Аштон, Брук и даже юный Марли – старательно разряжали обстановку, смешивая начальника свежими байками. Оглядывая гуляющих стражников и торговцев, я не заметил, как руки Скайлы упали на мои плечи и принялись усердно их разминать.

– Господин, вы так изменились с нашей прошлой встречи!

– Разве?

– Да, – наклонилась официантка к моему уху. – Ваши плечи набрали силу, а руки будто выкованы из стали...

– Скайла, – протянул капитан. – Вот ты как, значит? А как же я?

– Меня хватит на двоих.

– На сегодня ты свободна, – сказал Кидо, бросая ей монету. – Мы не в настроении для утех.

Я снял с себя мозолистые женские руки. Служанка ничуть не расстроилась; как и всегда, когда дело касалось щедрого капитана, она получала деньги, превышающие стоимость ее работы. Кидо уставился на меня пустыми глазами; сегодня он был не в силах врать своим друзьям – это давалось ему тяжелее всего.

– Я не хочу возвращаться, – прошептал он, наклоняясь ко мне. – Но если выпью еще хоть глоток, то мой внутренний мир станет достоянием общественности.

Капитан пошатнулся, и я тут же подхватил его, поднимая на ноги; гвардейцы понимающе кивнули, пожелав быстрой дороги и легкого пробуждения. К счастью, Кидо мог идти самостоятельно; я служил лишь опорой на случай, если ветер подует слишком сильно или камень внезапно и подло попадет под сапог. Фалхолт пытался говорить со мной, но все его речи были абстрактными рассуждениями – о природе любви, о звездном небе, о воле богов, – и совсем не требовали моего ответа. Он говорил обо всем, обходя темы смерти отца и разлада с Лэнденом; точнее, обходил, пока не придумал, как можно говорить о последнем так, чтобы проходящие мимо горожане не связали его слова с советником.

– Хюн Ки такой закрытый, потому что боится, – вдруг выпалил он. – Не потому что злой или бессердечный.

– Разумеется. Иначе он не стал бы тебе другом.

– Конечно, он хочет таким казаться. Идеальная защита! Получше всякой брони. Но, хоть он и не говорит об этом с каждым встречным, он очень ценит свое наследие, а местные могут

этого не принять. Ты, например, знал, что на Востоке сын должен лично точить меч отца до самой его смерти? Так он благодарит его за заботу в детстве. А когда отец умирает, он обязан забрать меч себе, но ни в коем случае не брать его в битву – его вешают на стену, чтобы поклоняться памяти предка.

– Они почитают только отцов?

– Матери у них воительницами не бывают. Их берегут, словно цветы, и все женские имена у них так или иначе связаны с цветами, представляешь? – эль сделал мимику Кидо еще более яркой, и его брови почти дотянулись до линии волос – так его впечатлял сей факт. – Поэтому рядом с мечом всегда красуется засушенный цветок. Или его изображение. В покоях Хюн Ки вот висит картина с глицинией...

– Никогда не видел такого цветка.

– Я тоже. Но картина красивая.

Капитан тяжело вздохнул и расслабился, отчего моя ноша стала чуть тяжелее. Я толкнул его плечом, и глаза его раскрылись до смешного широко – так, что от встречного ветерка в них мгновенно появились слезы.

– Не спать! – подбодрил я. – Может, я не такой загадочный, как Хюн Ки, и об интересных традициях рассказать не могу, но утром, уж пожалуйста, вспомни, кто дотащил тебя до кровати.

Капитан слабо ткнул меня в плечо, и мы разразились громким смехом. Я намеренно вел его медленно, самыми извилистыми тропами, умоляя прохладный ночной воздух отрезвить меня; к середине ночи мы добрались до замка, а Кидо частично вернул себе контроль над телом. Мой разум был чист, но полон желаний и стремлений, противиться которым не хотел и не мог.

Проводив капитана до двери, я умышленно ошибся этажом и намерился свернуть направо, надеясь увидеть знакомых стражников спящими, но вместо этого тут же припал спиной к стене. Стражи были заняты совсем иным: уговариванием другого нетрезвого гостя принцессы не мешать ее чуткому сну. Они были непоколебимы; статус принца никак не влиял на верность стражников лисице, и они стойко терпели все выпады нерадивого жениха.

– Я имею право видеть ее в любое время дня и ночи! – упорствовал Хант, безуспешно пытаясь раздвинуть перекрещенные перед ним пики.

– Принцесса потеряла отца, – раздался низкий голос из-под шлема. – Позвольте ей отдохнуть.

– Она должна уважать волю отца, а отец обещал ее мне!

Раздавшийся за спиной стражей шум заставил всех замереть и мгновенно замолчать. Дверь распахнулась, и из-за нее показалось заспанное лицо, обрамленное растрепанными кудрями. Я, вновь подглядывающий за их встречей, юркнул за угол, чтобы Ариадна меня не заметила, но не смог побороть любопытство и вскоре вернулся к прежнему положению.

– Дорогая! – Хант упал на колени, мгновенно изменив тон. – Милая, как ты красива в лунном свете!

– Ты жалок, – прошипела Ариадна.

– Я лишь хотел увидеть тебя! Я так скучал!

Его восклицания резали слух; голос становился тонким, дребезжащим. Он виделся мне ребенком, у которого злой взрослый отобрал игрушку. Одну из многих, и все же – самую желанную.

– Охотно верю.

– Я войду?

Ариадна открыла дверь шире, чтобы принц мог протиснуться вглубь комнаты. Когда стражник потянулся к двери, чтобы оставить обрученных наедине, принцесса коснулась его руки, останавливая.

- Не стоит, – приказала она. – Мой жених не задержится надолго.
- Это почему же? Я хотел бы остаться до утра.
- Выбери для этого какую-нибудь служанку.
- Ариадна, – взмолился он. – Скажи, чем я не мил тебе?
- Ты в своем уме?

Принцесса все так же стояла в дверном проеме, готовая одновременно выкинуть Ханта в коридор и убежать сама, заточив принца в своих покоях. Я прислонился спиной к стене; чуткий слух давал весьма ясную картину происходящего. Стражники затаили дыхание, не желая вмешиваться в дела господ; Ариадна была готова взорваться в любую секунду; принц едва ли не всхлипывал.

- Разве я когда-нибудь поступал с тобой плохо?

Ариадна – как я полагал, изумленно – молчала.

– Я знаю, ты была больна, – начал объясняться принц, смущенный реакцией невесты. – Но, как вижу, сейчас ты в полном здравии.

Тишина в ответ.

– Ты потеряла отца, – продолжал он, понизив голос так, чтобы тот звучал вкрадчиво и интимно. – Я не беспокоил тебя, но за все эти дни ты ни на мгновение не задалась вопросом, где я пропадал.

- И где же?

– А тебе есть дело?

– Нет.

Хант громко вздохнул. Я слышал, как он медленно подходил к Ариадне – сердце его стучало медленно, ее же билось горячо и зло.

– Я говорил, что буду ждать и бороться, – шептал принц. – Но я – живой человек, Ариадна. Удели мне хоть сотую часть того внимания, что я уделяю тебе, и ты полюбишь меня.

- Твой отец уделял тебе много внимания?

Я выглянул из-за угла и почти увидел, как принц нахмурился; половина его лица скрывалась за плечом стражника.

- Ответь.

– Чересчур много.

- Ты любишь его за это?

– Он – тиран и мучитель. Я уважаю его, но у меня нет ни единого повода его любить.

- Взгляни в зеркало, Хант, – сквозь зубы прошипела лисица.

– Я не похож на отца, – вспыхнул принц. – Он берет все, что пожелает, ни с чем не считаясь.

- Точно так ты и поступил, оказавшись под папочкиным крылом. Взял то, что желал.

- О чем ты?

Ариадна с вызовом уставилась на жениха. Не веря, что он действительно не понимает сути ее слов, она молчала. Роль невинной жертвы так прикипела к нему, что он, казалось, совсем не собирался с ней расставаться.

- О чем ты, Ариадна?

– Ты обесчестил меня, – выплюнула она. Халат сполз с ее плеча, и взгляд принца мгновенно переместился на оголенную кожу. – Видишь эти шрамы? Не прошло ни дня, чтобы они не напоминали мне о моем позоре.

- Я не трогал тебя, – изумленно шептал принц. – Клянусь.

– Разве не ты прижимал меня к резному изголовью, невзирая на крики боли и кровь? Не ты шептал, что теперь владеешь мной, что мне некуда от тебя бежать?

- Я этого не делал.

– Можешь подавиться своей ложью, – бросила она, поправляя халат. – Или захлебнуться в ней, как тебе угодно. Но я знаю, что это был твой голос, твой куорианский говор, твой запах муската. И ты знай, что, какими пьяными бы ни были вина в тот вечер, я никогда тебе этого не прошу.

Не найдя слов, Хант невидящими глазами уставился на принцессу. Она долго смотрела на него в ответ, ожидая реакции – оправданий или признания, – но его ступор был столь силен, что он молчал, пока она силком не выставила его за дверь. Удар дерева о камень вернул его к жизни; он шагнул обратно, но стражи оказались еще более настойчивыми, чем прежде.

– Вам пора, ваше высочество.

– И я даже знаю куда, – процедил он.

Хант пролетел мимо так быстро, что едва не зацепил мой любопытный нос плечом, и мгновенно скрылся в темноте ночных коридоров. Я хотел проследовать за ним, но предчувствие подсказывало, что мою нелепую слежку обязательно обнаружат. Хотел пойти и к принцессе, но голос разума молил оставить ее в покое. В конце концов, я по-прежнему был пьян; увидев в своих дверях еще одного захмелевшего гостя, Ариадна точно разорвала бы его на куски.

Глава 2

Наступил день похорон короля. Они должны были быть такими же помпезными, как и свадьба, и, о удача, для этого имелись и закупаемые в течение полугода украшения, и многочисленные гости. Как бы Минерва ни была занята захватом власти над советом, похоронам отца она лично уделила недюжинное внимание. Проконтролировала все. Традиционно цвет крови был верным спутником смерти; однако, несмотря на это, тело Эвеарда она приказала непременно обернуть в серый бархат. Принцесса не хотела, чтобы прощание затянулось, и потому лишь одному человеку позволила произнести слова, призванные сопроводить душу короля в вечном плавании по реке духов, – и это была Ровена.

Королева не могла сдерживать слез и большую часть речи жалобно всхлипывала. Удивительно, но старшая принцесса ничуть не раздражалась по этому поводу; раньше мне казалось, что она не испытывала теплых чувств к той, что пыталась заменить ей мать. В тот миг, возможно, она впервые ощутила нить горя, связавшую сердца членов королевской семьи; ощутила, что общая боль объединяла не хуже, чем гнев или жадность. В тот день она не выглядела как строптивая наследница, отравившая своего короля; она была ребенком, оплакивавшим скоростижно скончавшегося отца.

Похороны, вопреки ожиданиям, провели на городской площади, чтобы дать греианцам почтить память правителя. Сэр Фалкирк, демонстрируя суть своей натуры, чуть не задавил двоих детей, пытавшихся протиснуться в первые ряды, а после презрительным плевком замочил их одежды. Однако не вся знать отнеслась к народу так пренебрежительно. Лэндон встретил жриц местного храма – тех самых, чье завораживающее пение я слышал на дне осеннего равноденствия, – и, в знак уважения, проводил их в специально отведенную зону. Эвеард испытывал к жрицам глубокое почтение; с тех пор, как Агнесс стала их сестрой, они стали сестрами и ему. Госпожа Беатрис стояла неподалеку от тела короля и любезно давала желающим возложить дары усопшему, не брезгуя, если старый конюх дыхнет хмелем или ребенок протянет запачканные руки к дорожному платью.

Ариадна стояла поодаль от родни и прочей знати. Ее лицо накрывала плотная, почти непроницаемая вуаль, а длинные рукава платья плавно перетекали в перчатки, делая ее еще одной каплей в захлестнувшем город море крови. Однажды она говорила мне, что боится

смерти; не ее наступления, а того, что творится вокруг умершего. Ее повергали в ужас все традиции, связанные с мертвым телом; я рассказывал ей, как тела умерших эльфов превращались азаани в цветы и деревья, и она попросила дать обещание, что с ее телом однажды поступят так же.

Хант не посмел приблизиться к невесте. Потупив взгляд, он занял место подле ее старшей сестры, и по лицу его было видно, что за всю ночь ему так и не досталось ни секунды сна. Одежда на нем была та же, что и вчера, но он почтительно прикрыл ее красным плащом.

Его соотечественники, впрочем, почтения не проявляли: им происходящее было откровенно безразлично. Они явились на прощание с королем в своих обычных кожаных доспехах – и даров усопшему, разумеется, не преподнесли. Обосновавшись в дальней части площади, они пили принесенное с собой вино и хохотали над шутками своего правителя, столь неуважительно поступавшего по отношению к будущему – ныне усопшему – родственнику. Не понимая, почему куорианцы плотным кольцом окружили Дамиана, я попытался разглядеть его в щели между голов южан, но попытки оказались тщетны. Я оставил их; рано или поздно он все равно попадется мне на глаза.

Завершающей традицией стал Танец Огней. Невероятно красивое зрелище, по размаху достойное лучших торжеств, но тесно связанное с самым грустным из них. Гости разошлись в стороны, и в середине площади возникла фигура Лианны. Она вновь была молода и чарующа; красное золото ее кудрей виделось мне самым ярким пламенем церемонии. Простой народ, разумеется, сжигал тела умерших – из соображений чистоты и экономии. Знать же имела возможность хоронить тела членов семьи в специальных гробницах, которые, вероятно, спустя годы станут оплотом легенд и слухов, и королевская семья Греи не была исключением – под эти цели была отведена башня Луны. Однако все короли когда-то были простыми людьми, и погребальный костер был положен и им – хотя бы в виде представления.

Лианна умело жонглировала огненными шарами, изящно двигаясь в такт играющей музыке, но лицо ее было полно скорби и отчаяния. Каждый раз, когда искры взмывали в воздух, по толпе проносились испуганные вздохи, но никто не выражал восторга мастерством друида: настолько сильна была горечь потери. С каждой потухающей искрой на улицах становилось темнее, и к моменту наступления крошечной тьмы лишь по щекам самых стойких не прокатилось слезы. Я в их число не вошел.

Весь следующий день атмосфера в замке давила на меня. От нее нельзя было скрыться ни в садах – их как раз приводили в порядок, – ни в тренировочном зале – там стража репетировала праздничный марш, – ни в библиотеке, где местные писари уже вносили известия о смерти короля и свадьбе принцессы в родословные книги. В покоях был слышен шум коридоров,

в городе и вовсе творилось сумасшествие. Единственным местом, где можно было укрыться, оказалась башня; мой выбор пал на дорогую сердцу восточную.

До свадьбы оставалось четыре дня.

Я много думал о подслушанном разговоре, но не мог подойти к лисице, чтобы обсудить его, ведь тогда пришлось бы признаться, что я спую по коридорам, как крыса, влезая во все, что меня не касается, хоть это и было прямой и единственной целью моего пребывания при дворе.

При дворе, где уже негласно приняли нового правителя. Знать и чиновники радостно распахнули объятия, принимая под свое крыло белокурую принцессу, давным-давно захватившую их умы. Я не видел ответной радости на ее лице; она жаждала власти, но выглядела так, будто ее вынудили взойти на престол. Сапфировые глаза не горели, когда очередной советник падал на колени, принося ей клятву верности, – в них тлел огонек скуки и усталости. Престол будто бы успел наскучить ей. Не так сладок запретный плод, как предвкушение момента, когда ты сможешь его заполнить.

Впрочем, уверен, она еще распробует нектар правления. Несмотря на внешнюю незаинтересованность, за последние дни из разных уст я услышал о нескольких распоряжениях, из которых больше всего меня насторожили указы военной направленности. Минерва поручила расширить казармы, и без того разросшиеся в связи с прибытием куорианских солдат, и велела немедленно созвать на обучение всех юношей из города и окрестностей – Вильсдена, Аскода, Сэдбери и Лартона. Ни единому члену совета не было известно, к какой битве готовилась принцесса, но задавать вопросы никто не решался; все слепо, будто овцы по воле подгоняющей их собаки, выполняли данные им приказы. Стоял ли за собакой пастух – еще один важный вопрос, ответа на который ни у кого не имелось.

Город из окна башни выглядел завораживающе. Лето выдалось теплым и влажным, и урожай Грей был богат как никогда. Куда ни глянь – обязательно увидишь цветочника, спешащего на дворцовый праздник. Крыши домов украшали тканями в цветах двух соединяющихся династий – смотрелись вместе они так же гармонично, как и, по мнению многих, будущие супруги – и разнообразными самодельными гирляндами из тканей и цветов. Предстоящее торжество вдохновляло народ и находило ему занятие, позволяя забыть о горестях и потерях, о болях и муках.

– Все так счастливы, – прозвучало из-за спины.

Я стоял, наполовину высунувшись в окно, вдыхая запах кипящей жизни города. Теплые руки обвили мою талию, голова опустилась на спину. Я не смел пошевелинуться; мне давно не удавалось почувствовать лисицу так близко.

– Мне даже стыдно, что я не поддерживаю их в этом.

– Для них это музыка и танцы, – возразил я. – Их судьбы не вершатся у алтаря.

– А как по мне – вершатся.

Я не ответил. Лисица глубоко вздохнула и поерзала, будто устраиваясь на любимом месте. Ее волосы щекотали мою кожу, и я чувствовал ее дыхание сквозь тонкую ткань рубашки. Пальцы ее впивались мне в ребра, так крепко, будто подует ветер – и я улечу в окно, оставив ее справляться со всем в одиночестве.

– Я знала, что ты тоже сбежишь сюда.

– Разве тебя не занимают примерками платья и дегустацией тортов?

– Занимают, – протянула она. – Но не ты один умеешь быстро бегать.

Я слегка подался назад, намекая, что хочу выпрямиться; Ариадна тут же меня отпустила. Обернувшись, я онемел; казалось, взору предстал отблеск прошлого. Кожа лисицы сияла, вновь покрытая легким загаром и румянцем; простое бежевое платье наконец-то не сдавливало ее ребра корсетом; серые глаза сверкали, будто танцующее на гранях драгоценного камня солнце. Губы застыли в легкой улыбке, отпечатывая ямочку на правой щеке. Она выглядела

так, будто снова была свободной: все ее существо кричало об этом, и душа ее пела, заглушая городской шум.

Лисица стояла совсем рядом; в долю секунды моя ладонь оказалась у ее щеки. Она прижалась к ней, будто истосковавшись по нежности, и блаженно прикрыла глаза. По телу прокатилась дрожь. Почему самые важные моменты случаются так внезапно? Впрочем, будь они запланированы, не были бы так важны.

– Ты позволишь?

Ариадна молча кивнула. Мое лицо было в сантиметрах от ее; горячее дыхание ласкало кожу. Пришлось нагнуться, чтобы дотянуться до ее губ; смотря издалека, я совсем забывал о разнице в росте. Глаза закрылись сами по себе, предвкушая сладостную негу, и наши губы слились воедино.

Оказалось, я давно и отчаянно мечтал об этом, хоть и отказывался себе в этом признаться. Вкус этого чувства не сравним ни с чем, что мне доводилось вкушать; внушенное Минервой влечение не стоило и секунды касания губ лисицы. Меня накрыло волной невероятного счастья. Думалось, что время остановилось: не сновали по коридорам слуги, не хлопотали горожане, не дымила печь на кухне – двигались лишь мы, забывая о необходимости дышать. Моя рука на ее щеке, ее тяжело вздымающаяся грудь, два яростно бьющихся сердца – и ничего вокруг.

Низ живота будто наполнялся раскаленным железом. Мысли, коими искрился мой разум, не были похожи на сны о Минерве: в них не было животной страсти, рваных одежд, звериных рыков; покрывая прикосновениями каждую клеточку ее тела, я искренне мечтал задеть хотя бы частичку ее души, и желание не съедало меня – оно искрилось внутри, заставляя жить.

Ариадна отстранилась, жадно вдыхая воздух. Течение времени восстановилось. Сначала она прятала взгляд, и щеки ее медленно набирали краску, но стоило ей посмотреть мне в глаза, как они мгновенно вспыхнули.

– Что? – рассмеялся я, очарованный ее смущением. – Мы ведь целовались и раньше.

– Но не так.

«Да, – подумал я. – *Не так*». В ее словах не было укора, и я расплылся в улыбке. Лисица кинулась в мои объятия, будто вновь боялась, что я ускользну; я прижал ее к себе, до беспамятства боясь того же. Я не помнил, как дышал, говорил ли, двигался ли, но когда Ариадна выбралась из моих рук, солнце за окном уже уходило за горизонт.

– Я хотела тебе кое о чем рассказать.

Тишина заполнила верхушку башни. Я припал к стене и скатился вниз, усаживаясь на пол; почему-то мне казалось, что разговор предстоит долгий, и, как бы я ни наслаждался обществом принцессы, неприятный.

– Я напомнила Ханту о... – замялась она, не желая произносить это вслух.

– Понял, – кивнул я.

– Сегодня утром он снова был у меня, – продолжила Ариадна. – По-прежнему утверждает, что это был не он.

– И ты ему веришь?

– Он сказал, что знает, кто виновен. Но не выдаст.

– И чему ты рада? – недоумевал я. – Даже если подлецом оказался не он, то он его покрывает. Это едва ли добавляет ему чести.

– Я по-прежнему ему обещана, и мы поженимся, – проигнорировав мое недовольство, ответила лисица. – Но он более ничего от меня не потребует: ни любви, ни внимания.

– Но что будет, когда вы взойдете на престол? Что насчет наследников?

– Поклялся, что никогда и никому не выдаст моей тайны, и, если я не захочу этого сама, не заставит делить с ним ложе. Соврет, что я не могу родить ему дитя. – Ариадна пожала плечами, будто ей совсем не было дела до общественного порицания: что же это за жена и коро-

лева, раз неспособна продолжить знатный род? – Мы будем воплощением политического союза наших родителей – и не более того.

– Чем же должна отплатить ему ты?

– Тем же самым. Никаких требований и вопросов.

– Значит ли это, что островитяне покинут Грею? – с неожиданной для себя надеждой произнес я.

– К сожалению, не все. Он заявил, что не вернется в проклятое логово отца. Останется, даже если все его воины до единого решат отправиться на юг.

– Удивительная преданность чужому государству.

– Скорее, удивительная ненависть к родной земле.

Ариадна села напротив, старательно ловя мой тревожный взгляд, а затем, не вытерпев, двумя пальцами схватила за мой подбородок.

– Это значит, что мы можем быть вместе, Эзара, – вдохновенно прошептала она.

– Я счастлив этой новости, *melitae*. – Я слегка коснулся губами ее ладони. – Счастлив каждой секунде, что могу провести с тобой. Но не кажется ли тебе, что он поступает странно? Несвойственное ему благородство. Зачем ему жить с женой, что так сильно ненавидит его, на ее земле?

– Он потерян. Отец всю жизнь отвергал его, теперь отвергла и я.

– Хант ненавидит меня. Он не стерпит, если место фаворита займу я, и конфликт вспыхнет с новой силой. При дворе нам вместе не быть, но... что, если мы уедем?

– Уедем?

– Куда угодно. В Аррум, в Драрент, за Сапфировый океан, – перечислял я мечтательно. – Туда, где его грязные руки не дотянутся до наших душ.

– Нет, – решительно отрезала она. – Я не покину Грею. Когда-нибудь моя страна позволит мне жить так, как я того хочу. Но для этого за нее нужно побороться.

– Хорошо.

Ариадна взглянула на меня с недоверием; столь короткий ответ показался ей недостаточно убедительным.

– Ты волен ехать, куда пожелаешь, – добавила она, будто то, что меня не будет рядом, совсем ее не заботило. – Я не смею просить тебя сражаться за мое королевство.

– Однажды я уже последовал за лисой. И впредь ничто не собьет меня с пути.

Принцесса всем телом прижалась ко мне; ее била дрожь – в легком платье на вершине башни после заката было прохладно. Я обхватил ее руками и поднял, укладывая на себя, подальше от каменного пола; если я мог служить ей камином или одеялом, вдыхая сладковатый древесный запах ее кожи, мне больше не о чем было мечтать.

Отогревшись, Ариадна расслабилась. Мы говорили о преобразившемся городе, о гостях, что раздражали принцессу, и их настойчивом желании показаться лучше и богаче, чем они были на самом деле. Когда темы перестали петлять вокруг почившего короля, Ариадне стало интересно, как я пережил смерть своего отца. Я все еще удивлялся мысли, что тот, кто взрастил во мне все важное и нужное, также был дорог и лисице.

– Я никогда прежде не думала об этом, но... Ведь господин Айред был полукровкой, верно?

– Верно.

– А ты – чистокровный эльф?

Привыкнув к тому, как устроено эльфийское общество, я с самого детства не задумывался над этим вопросом, и недоумение в голосе принцессы поставило меня в тупик.

– Полукровка может связать жизнь с любым, кого выберет его сердце, – пояснил я. – Но продолжить род сумеет лишь с тем, в чьих венах течет чистая эльфийская кровь.

– Это... нечестно, – нахмурилась Ариадна.

– Мы расцениваем это как благосклонность Богини. – Будучи одним из таких детей, я почувствовал необходимость оправдаться. – Она защищает эльфийский род от вымирания. Если наша кровь чересчур размоется людской, то от даров, коими наделили нас боги, останутся лишь воспоминания.

– Разумно. Но нечестно.

Лисица спрятала лицо за волосами, уткнувшись в мою грудь. Мне вспомнилась ночь после ее возвращения из Куориана: тогда она так же отогревалась под моим крылом. Тогда я сказал, что убью Ханта, и с тех пор это желание прожигало едкую дыру в моей душе.

Ариадна провалилась в дрему. Мне хотелось на руках отнести ее в постель, но путь до покоев принцессы был неблизким, а количество любопытных глаз в стенах замка увеличивалось бы с каждым моим шагом. Мягко разбудив ее и предупредив, что направлю к ней слуг или стражу, я покинул место встречи. Вслед прозвучало тихое сопение.

Ни одной служанки мне не встретилось; стража тоже не попала на глаза. Прежде это бывало мне лишь на руку, но сейчас, не желая, чтобы принцессу вновь сразила болезнь, я едва ли не бегал в поиске таинственно исчезнувших гвардейцев. К счастью, мне встретился их капитан, ответивший на просьбу лишь легким – и будто бы одобрительным – ударом в плечо, и я, успокоившись, поспешил удалиться.

Еще недавно бурлящий жизнью замок наконец затих. В коридорах пахло потом и нечистотами, но из залов шлейфом тянулся запах цветов. Я пошел по его следу; мне жутко хотелось заглянуть в бальный и тронный залы, чтобы, оказавшись на свадьбе, я был готов хотя бы к убранству торжества; знал, что к его содержанию и сути подготовить себя не сумею.

Двери в бальный зал оказались не просто плотно закрыты – их охраняла добрая дюжина стражников, состоящая в равной мере из местных жителей и островитян; вероятно, там хранились семейные реликвии, которыми во время церемонии, в знак любви и преданности, должны обмениваться представители двух династий. Изобразив полную незаинтересованность скоплением стражников, я прошел мимо, едва заметно им кивнув.

Из приоткрытой двери тронного зала в темный коридор падала тонкая полоска теплого, дрожащего света. Не задерживаясь, я быстро заглянул внутрь; всего в зале четыре двери, по одной с каждой стороны. Главный вход встречал золотом, узорами, тяжестью дерева и дорожкой мягкого ковра, что тянулась до пьедестала правителя; остальные же вели в зал из более укромных мест. Попытав удачу, я отправился в скромную и, насколько я помнил, вечно пустующую переговорную. Ее использовали лишь для особых случаев: неожиданное нападение, военные переговоры, требующие обсуждения прошения. Так как комната была мала, стулья и столы в ней стояли очень близко друг к другу – обойти их в темноте было непросто.

Я подошел к двери вплотную, чуть потянул ее на себя. Залитая светом зала переливалась, ни на мгновение не позволяя забыть о богатстве и процветании королевства, пуская золотую пыль в глаза всякого, кто взглянет на нее хоть раз. Но главным ее украшением была, конечно, та, что восседала на роскошном резном троне из черного дуба, любовно обитого серым амаунетским бархатом.

Минерва закинула левую ногу на правую, оголяя ее до самого бедра; бледная кожа сверкала, делаясь похожей на фарфор, – гладкая, с редким узором из едва заметных голубых прожилок. Обе руки лежали на подлокотниках, и пальцы правой нетерпеливо постукивали ногтями по вековому дереву трона. Она будто собиралась вот-вот заговорить; выжидала, словно кошка, готовая прыгнуть на добычу. Ее взгляд лениво скользил по окружавшим ее предметам, словно ему не за что было зацепиться, но неожиданно губы расплылись в улыбке. Она знала о моем присутствии.

– Мужчины так любят подглядывать, – произнесла Минерва, глядя на пустующий зал. – Несмотря на внешнюю дерзость, на деле им не хватает смелости взглянуть в глаза своим истинным желаниям.

Шаги. Минерва улыбнулась шире, полагая, что ее безмолвный собеседник приближался к ней, но я не сдвинулся с места. Шаг, два, три. Высокая прическа Минервы расплелась, соблазнительно обрвав лицо волнистыми прядями. Скрип двери.

Из переговорной на противоположной стороне медленно вышел Хант; его взгляд был прикован к трону, а ноги сами вели к объекту желания. Завидев его, Минерва тут же поникла и выпрямилась. Нога на ногу, нетерпеливый стук по дереву.

– Ты, – слегка разочарованно произнесла она, заставив это короткое обращение прыгать от стены к стене, раздаваясь снова и снова в звенящей тишине зала.

– Моя королева. – Хант опустил на колени и склонил голову; казалось, он вот-вот разрыдается от восхищения. – Я сделал все, о чем вы меня просили.

– Она согласна?

– Разумеется, – поднял голову принц. – Все что угодно, лишь бы я больше к ней не прикасался.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я позволю тебе иное?

– Ваше высочество, – испугался он. – Мне достаточно того, что я имею честь видеть вас своими глазами.

– Хант из династии Гаэлит, наследный принц Куориана. – Минерва улыбалась, и улыбка ее была наотмашь. – Будешь ли ты верен мне так, как не верен своей стране и своим подданным, как не верен своей жене и своему отцу?

– Ради вас я готов умереть.

– Этого мало, – махнула рукой она.

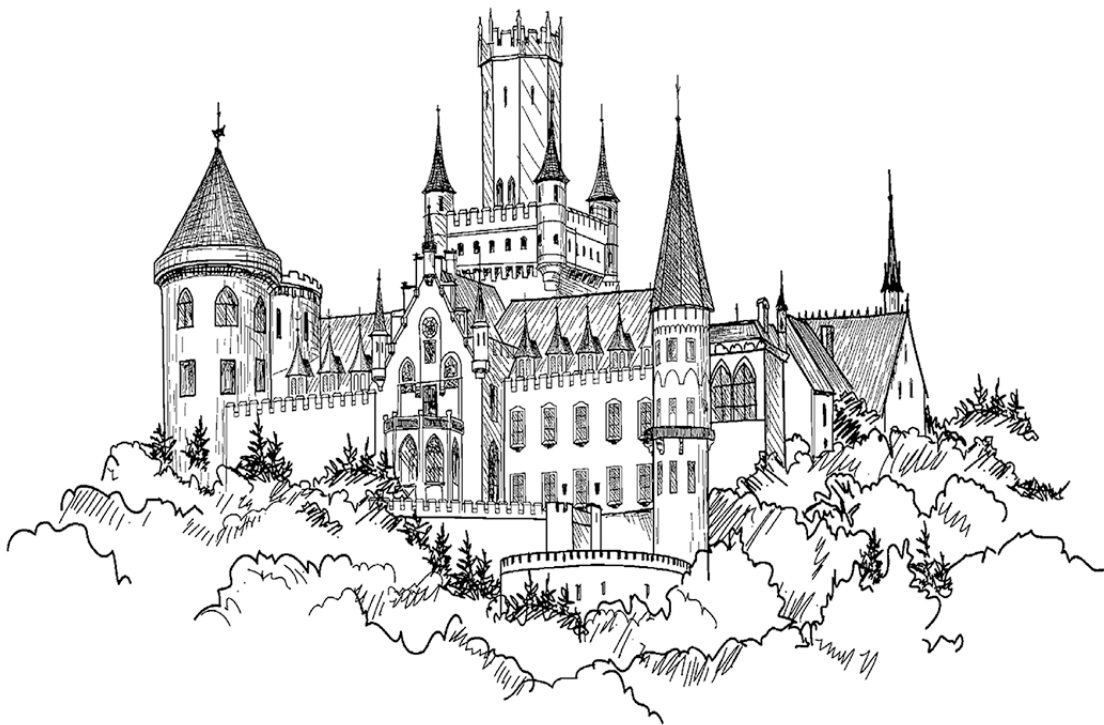
– Умереть, чтобы переродиться деревом для костра, на котором будут гореть ваши враги, – пролепетал принц. Зрелище было до боли жалким. – Чтобы своей отравленной кровью окропить ваших врагов в бою.

– Встань, – приказала королева. – И плотно закрой все двери.

Я тут же отпрянул, вжавшись в ближайшую стену. До тех пор, пока не хлопнула каждая из дверей и звуки их голосов не перестали касаться моих ушей, я не двигался и практически не дышал. Пока глаза привыкали к мраку переговорной, я старался двигаться наощупь, но, дважды запнувшись о ножку стола, выждал, пока не стану различать хоть какие-то очертания. Свечи на стенах коридоров любезно проводили меня до покоев.

Выходит, именно Минерва приказала Ханту оставить ее младшую сестру. Стоило ли рассчитывать на то, что это было проявлением любви и доброй воли? Она знала о происшествии в Куориане, и, следовательно, у нее появился еще один рычаг давления; не только на принцессу, но и на того, кто оставил на ее душе и теле метку позора. Были ли у нее другие причины держать Ханта столь близко? Ее презрение к нему едва ли было меньше того, что испытывала Ариадна. Он не станет ей союзником – сломленный, оскорбленный, горящий по разбитому сердцу, – лишь рабом, слепым последователем. Но насколько сильным *оружием* он может стать в ее руках?

Глава 3

То, что принц присоединился к свите Минервы, волновало не только меня, но и капитана. Самое странное, что о многих вещах, касающихся его гвардии и королевской армии, он узнавал из третьих уст; вербовку и тренировку новых бойцов поручили совсем иным чиновникам. Непосредственное командование армией не являлось его обязанностью в мирное время, однако она находилась под его защитой, и, так или иначе, Кидо был в первой пятерке людей, что должны были знать обо всем происходящем внутри казарм.

Количество стражи увеличивалось с каждым днем. Это можно было списать на съехавшихся гостей, многие из которых просили о личной охране, но и улицы города стали патрулироваться сильнее обычного. Некоторые стражники выглядели нелепо: форма была заметно им велика и болталась, заставляя стальные латы оглушительно звенеть при ходьбе, а их хозяйина – выглядеть глупо. В числе патрульных были и островитяне – их легко отличить от местных по недовольному выражению лица. С самого приезда их короля они всем видом давали понять, как надоело им пребывание на этой земле, и будто молили, чтобы их насильно выгнали за городскую стену.

Благодаря постоянным стычкам в тавернах и беспричинной жестокости к горожанам куо-рианские воины заработали себе дурную славу. Их обходили на улицах, рядом с ними пустовали столы, дети плакали при виде их смуглых лиц. Им нравилось ощущение всеобщего страха, ведь им не было дела до того, к чему это могло привести, – они попросту надеялись, что к тому моменту уже будут за заливом, в родных и далеких землях.

Повсеместное недовольство островитянами стремительно нарастало. Капитан старался снять их со службы на улицах и переместить в замок, где они не рискнули бы вести себя подобным образом, и потому часто сам заступал на дежурство, заменяя тех, кто сутками не покидал поста. Иногда я составлял ему компанию; при дворе лишь слепой не догадывался о нашей дружбе. К тому же мы отделились от всех прочих представителей знати, и это тоже было очевидно – лишь до нас не дотянулась длань будущей королевы. Решение Минервы не подчинять

себе сводного брата было неоднозначным; впрочем, неизвестно, было ли оно осознанным. Эльфийская кровь в моих венах не давала ей окончательно овладеть *моим* разумом, но ни один из родителей Кидо не был эльфом. Хотелось верить, что его плоть и кровь сильны так же, как и его большое, исполненное доброты сердце, и старшая принцесса вынужденно оставила попытки подчинить его себе.

Наблюдая за окрестностями города со стены, откуда Кидо отпустил заработавшегося сэра Бентона, мы много разговаривали. Изредка повышая голос, мы отпугивали выпивших зевак; в нынешних условиях они сбегали, заслышав любой шорох. Ворота в город были открыты даже по ночам: остатки гостей и их свадебных даров продолжали прибывать, не давая отдыха слугам. Наши взоры были обращены за стены, на дорогу, чтобы заранее предупреждать стражу о приближающихся посетителях; в моменты тишины я с тоской выглядывал верхушки деревьев Аррума.

Из города, напротив, выезжали крайне редко. Однажды за ворота не выпустили даже Ариадну; конная прогулка, бывшая частью ее рутины, показалась страже неуместным и несвоевременным жестом, и даже статус второй наследницы не убедил их раздвинуть перекрещенные пики. Разъяренная лисица тем же вечером устроила пьяный скандал в таверне, и я неустанно следил за происходящим со стены; глубокой ночью доверенный гвардеец Кидо все же сопроводил взбунтовавшуюся принцессу в покои, после чего поспешил к капитану с отчетом.

Докладывали ему о каждом, кто пытался покинуть город, и потому, когда мы стали свидетелями небольшой – я бы сказал, жалкой – погони, в моих глазах вспыхнул позабытый интерес, а сердце Кидо взволнованно забилося. Пытавшегося убежать юнца вернули за ворота без сопротивления, но никакого объяснения отчета от стражи капитан так и не дождался. Кидо долго искал подходящее место на стене с наилучшим обзором и затем махнул мне рукой подзывая.

– Смотри, – шепнул он. – Очередной гонец королевы.

Теперь я наконец разглядел в юнце посыльного: минимум вещей, немного еды и один из самых быстрых скакунов королевской конюшни. Он должен был мчаться сломя голову, невзирая на палящее солнце и жестокие ветры, чтобы добраться до адресата в кратчайшие сроки, и умчался бы – да только был слишком шуплым для такого коня и попросту не смог им управлять.

– Почему его задержали? Я не отдавал такого приказа.

Капитан шурился, разглядывая лица стражников в темноте; судя по его недоумению, все они были из числа новобранцев. Двое крепко держали гонца за руки, хоть тот и был слишком напуган, чтобы сопротивляться; третий старательно вытряхивал на землю содержимое дорожной сумки, пока не нашел крошечный, неприметный конверт с золотой печатью.

– Отпускать? – поинтересовался один из держащих, как только желаемое было найдено.

– Дождемся господина, – ответил ему другой. Направив свет факелов на конверт, он огорченно вздохнул и спрятал его в нагрудном кармане; либо он не умел читать, либо бумага была слишком плотной. – Пусть сам решает.

Мы с Кидо переглянулись. Он был обеспокоен: морщины вновь проступили на лбу, а челюсти сжались так, что я практически слышал скрежет зубов. Кто-то отдавал приказы страже и задерживал гонцов – не чьих-то, а королевских, – и этот кто-то вновь держал капитана в неведении. Мне казалось, еще мгновение – и он возьмет в руки хлыст, спустится к нерадивым подчиненным и объяснит, чьих приказов надобно слушаться, но его отвлек звук быющих друг о друга лат. Стража склонилась перед господином.

– Далеко успел убежать?

– Едва выехал за ворота, – отчитывались новички.

– Письмо при нем?

Стражник протянул заветный конверт. Господин предусмотрительно надел плащ и тщательно скрыл лицо под капюшоном, и все это действительно могло бы спасти его от раскрытия личности, если бы голос его не был так мучительно нам знаком. Сильные пальцы сломали печать и раскрыли письмо; почерк Ровены был изящен, но неровен, а чернильные пятна беспорядочно окропляли бумагу. Лишь королева знала, сколько писем были так бесцеремонно перехвачены; вероятно, ее разум не помутился от горя, как все мы считали.

Пальцы капитана ухватились за рукоять меча с такой силой, что тут же побелели. Он вдыхал кратко и часто, но сдвинуться с места не решался. Ярость и чувство несправедливости боролись в нем с болью и разочарованием, разрывая его на куски.

– Ведите его в темницу, – прочитав письмо, бросил советник. – Посадите к остальным.

Стражники принялись тут же исполнять приказ, а черный плащ их господина тенью двинулся в сторону замка. Кидо заворуженно смотрел ему вслед. Он был опустошен.

– Пойдешь за ним?

– Нет, – отрезал он.

Понимающе кивнув, я отошел; думал, сейчас Кидо нужно побыть одному. Мне всегда была ненавистна беспомощность, и потому понимать и принимать ее я считал одним из мудрейших качеств; вероятно, Кидо обладал и им. Спустя пару минут он надел маску ледящего кровь спокойствия и вновь направил свой взгляд за стену. Его долг перед короной был важен ему, но перед короной истинной, а не подлой и честолюбивой. Как бы ни был дорог ему друг, как бы ни грели душу совместные воспоминания и истории, он не мог предать память отца и знал, что Хюн Ки – именно эта часть его – поступил бы на его месте точно так же. В советнике жили двое: тот, кто ставил семью превыше всего, и тот, чьей семьей были все, кто дарил ему желанные власть и положение в обществе. И последний, кажется, взял верх.

Всю оставшуюся ночь мы молчали, но даже воздух вокруг нас был встревожен. С первым пением птиц нас сменил отдохнувший сэр Бентон, до самой земли кланявшийся молодому капитану в благодарность за возможность поспать. Тот спросил, не было ли в последнее время необычных приказов, и Бентон в ответ лишь отрицательно покачал головой. Кидо пожал плечами; впрочем, он и не надеялся, что кто-то доверит тайные дела такому простаку.

У самого входа в замок я свернул к конюшням – мне отчаянно хотелось провести Пепла. Своенравный конь хоть и тосковал по свободному выгулу, но уж точно не скучал: конюх встретил меня увлекательной историей о том, как Пепел завладел почти каждой кобылой в стойле. Будь он беспородным, меня бы уже давно вынудили заплатить за кобыл, но его порода была редка – и мне лишь поклонились, пообещав подарить первого из жеребят-самцов.

Покидая счастливую обитель Пепла, я обратил внимание на шум на поляне за ней; звучал он так, будто там сошлись в битве два мощных войска. Металлический запах крови наполнил ноздри, и я поспешил оказать помощь пострадавшим, но оказался встречен сотней озадаченных взглядов. Юные бойцы замерли, стоило мне вбежать на поляну; кто-то из них улучил момент, чтобы отдышаться, кто-то – чтобы вытереть кровь с губы или брови, но все как один испуганно оглядывались на своего командира.

– Сэр Териат! – вскинул руки колдун. – Не думал, что вы заглянете к нам!

– Не думал, что вы – воин, – выпалил я и тут же отругал себя за несдержанность.

– Ох, я прошел столько битв, сколько многим и не снилось, – протянул Рагна. – То, что я владею магией, не значит, что не владею и мечом.

Натянув доброжелательную улыбку, о которой, охваченный тревогой, неосторожно забыл, я поклонился магистру. Его статус обязывал преклонять пред ним колена даже людей королевской крови, что уж говорить о бродяге с севера вроде меня, но его едва ли сильно задевало, если кто-либо об этом забывал. Он будто постоянно витал в облаках, задумчивый и важный, далекий от земных дел и мелких забот ее жителей, и лишь цвет его глаз мог намекнуть на истинные чувства и намерения колдуна.

Рагна еле заметно махнул рукой в сторону застывших новобранцев, и они тут же вновь скрестили мечи. Сразу за теми, кто тренировал навык ближнего боя, стояли будущие стрелки, направив луки в набитые сеном мешки. Мишени на них были нарисованы наспех и поплыли, но, уверен, для их командира это не являлось основанием для промаха.

– Желаете присоединиться? – вскинул брови магистр.

– Не смею мешать, – отказался я. – Просто заинтересовался, услышав шум, и удивился, что здесь развернулась настоящая битва.

Колдун пожал плечами, будто дело было не в мгновенно появившемся войске, а в элементарной невнимательности гостя короны. Он не прогонял меня, и я пользовался его безразличием, внимательно оглядывая бойцов. Казалось, они тренировались с самой темноты – солнце встало совсем недавно, а они уже были чудовищно измотаны; руки у многих дрожали, едва удерживая рукоять меча, а стрелы то и дело падали на землю, выскальзывая из вспотевших ладоней. Все они работали не жалея сил, но будто не по своей воле; либо их отряд – самый трудолюбивый из всех, что видел мир, либо их командиром не так просто оказался магистр.

Со стороны стрельбища стали разноситься недовольные возгласы. Стараясь не показывать чрезмерного любопытства, я стоял, сложив руки на груди и чуть прищурившись, пытаюсь в свете утреннего солнца разглядеть причину стычки. Все больше бойцов стекалось к мишеням, воодушевленно и в то же время возмущенно переговариваясь; некоторые толкались и сквернословили, пытаюсь подойти ближе к причине всеобщего интереса. Двинувшись вслед за магистром в сторону стрелков, я наконец разглядел: вся тренировка свелась к соревнованию между двумя юнцами, оказавшимися лучшими в своем деле.

Их выстрели были быстры и точны, а стрелы взлетали в воздух со свистом, заставляя всех присутствующих провожать их взглядом. За их спинами стоял юноша, без конца пополняющий колчаны, отчего те казались бездонными, и нереальность происходящего еще больше захватывала юнцов. Глаза горели, стертые подушечки пальцев краснели, кровь наверняка гудела в ушах, заглушая шум толпы, но дыхание было ровным – иначе ни один из них не попал бы в цель.

Магистр встал прямо за мишенью, в которую стрелял светловолосый мальчишка, в буквальном смысле становясь ею, если тот промахнется, и жестом предложил мне поступить так же. Моим стрелком стал загорелый, жилистый юноша – его отец точно занимался тяжелой работой и давно приучил к ней сына, – и держался он увереннее, чем его соперник. Мы добавляли азарта соревнованию: цена их ошибки мгновенно возросла.

Щекощущее ощущение от вида летящей в тебя стрелы сложно описать словами; даже осознание, что я сумею защититься, не успокаивало испуганное тело. Каждую секунду мечтая сорваться с места, я будто прирос к нему, пустив корни в землю. Ухмылка и яростная зелень глаз колдуна мелькали на периферии, но я не спускал глаз со стрел. Мешок трещал, дырявый в десятках мест, и сенная пыль вздымалась в воздух при каждом попадании. Я моргнул и, вновь подняв веки, обнаружил, что одна из стрел сбилась с намеченного курса.

Она нацелилась прямоком мне в глаз. По венам пробежал леденящий восторг, и магия вдребезги разрушила сдерживающую ее клетку. Время стало тягучим, будто смола, как в день, когда я впервые откинул Финдира разрядом молнии, и я разочарованно вздохнул; контроль был утерян. Я мог бы спастись, увернувшись, – скорость моих реакций все еще превышала человеческую, – а если и нет, то вполне мог бы прожить и без глаза. Однако она все же вырвалась, спровоцированная малейшей опасностью для жизни, и это означало две вещи. Первая – мне вновь предстояло много работы над укрощением странной небесной силы, выбравшей мое тело сосудом. Вторая – у меня была вполне реальная вероятность быть раскрытым.

Собрав все силы, что я мог в себе отыскать, я запрятал молнию как можно глубже – так, чтобы она не успела выбраться, предоставив магистру возможность ее заметить, – и вытянул

руку вперед, рассчитав примерное время, за которое стрела долетит до моего лица, если время вернется к своему течению.

Я сжал пальцы почти сразу, и не прогадал – древко стрелы оказалось между ними, обжигая кожу множеством заноз; на его изготовление очевидно не потратили много времени. Наконецник застыл в мгновении от глаза.

– Господин! – загорелый юноша упал на колени, рассыпаясь в извинениях. – Ну почему же вы там встали?

– Все в порядке, Аби, – протянул Рагна, казалось, ничуть не удивленный произошедшим. – Сэр Териат в полном здравии.

– Но я же мог убить вас!

– И сделал бы мне одолжение, – хмыкнул я.

Я опустил руку, но не отпустил стрелу. Магистр посмотрел на меня скучающе и едва не зевнул; лишенный возможности полюбоваться кровавым зрелищем, он не желал более терпеть мое присутствие и тут же откланялся, намекая на безотлагательные дела, что ждали его внимания. Я направился прочь с поляны, дважды по дороге успев удостоверить увязавшегося следом мальчика, что он не причинил мне никакого вреда.

Лишь у конюшен я разжал ладонь, позволив обломкам стрелы коснуться земли. Сгоревшее дерево окрасило кожу в черный.

Как и полагалось, за день до свадебного торжества двери в тронный зал распахнули, демонстрируя приданое, собранное для будущего супруга принцессы. Над двумя огромными сундуками, доверху набитыми дорогими тканями и украшениями – иначе говоря, ничем из того, что Ариадне было бы жалко отдать, – постоянно хлопотала Ровена. Она нашла повод отвлечься от скорби по мужу, ведь заключаемый союз был последним его делом, и именно ей как королеве предстояло исполнить его волю. Без ее ведома не делалось ничего, что касалось праздника. Беатрис бегала за ней следом, пытаясь снять с сестры часть ответственности и дел – казалось, королева проваливалась в сон без сил, лишь переступив порог покоев, – но Ровена упорно отвергала ее помощь. Посеревшее лицо Беатрис, хоть и щедро раскрашенное румянами, напоминало ей о том, что вскоре она вновь потеряет любимого человека. Ей было проще не смотреть на сестру, ведь если перед глазами был план рассадки гостей или схема украшения зала – ее разум не наполнился ужасными мыслями, а тело не сотрясала дрожь.

Фактически торжество начиналось вечером дня, предшествующего церемонии.

В покоях меня встретили горячо спорящие служанки, обложенные целой горой одежд, в которых они – очевидно, безуспешно – пытались что-то отыскать. Некоторые из вещей были вывернуты наизнанку, и я вздрогнул, заметив, как на пробирающемся в комнату солнце

сияют золотистые нити на внутренних швах. Две пары измученных глаз уставились на меня, и девушки беспомощно вскинули руки.

– Ищите что-то, что поможет упрятать меня в темницу?

– Не шутите так, господин, – обиделась Фэй, и ее тонкий голосок зазвенел у меня в ушах.

– Вы скопили столько нарядов, – причитала Лэсси. – А на вечернее празднество идти вам все равно не в чем.

– Как насчет этого?

Я ткнул пальцем в случайный комплект из коричневых штанов и темно-серого кафтана – один из подарков внимательной и гостеприимной королевы, – но в ответ Лэсси лишь раздраженно закатила глаза. Я рассмеялся, не ожидав такой реакции, и приземлился рядом с девушками. Зарылся по локти в кучу одежды и принялся вытаскивать одну вещь за другой, вопросительно поднимая их в воздух; ни один из вариантов не удовлетворил моих личных стражей моды.

– Разве для гостей существуют правила? – вздохнул я. – Мне казалось, лишь жених и невеста ограничены в выборе нарядов.

– Официально правил нет, – наставническим тоном ответила Лэсси. – Негласных – столько, что не упомнить.

– И что же нам нужно?

– Низ не так важен, но нам нужен красный кафтан, – протянула она лениво. – Чтобы не было видно брызг крови, если будете стоять слишком близко.

– И все?

– Нужно, чтобы на нем было много карманов, ведь вам наверняка понадобится платок для себя и для стоящих рядом дам, которым платок положить некуда, – продолжала девушка, рассматривая вещь, которую я видел впервые. – А еще – кожаный доспех под кафтан.

– Это еще зачем?

– Вообще – чтобы было удобнее крепить пояс с оружием, что непременно должно быть у вас с собой, но на деле – чтобы обезопаситься.

– Думаешь, чей-то разум уже сегодня помутится настолько, что он полезет в драку? – усмехнулся я.

– Не думаю, – пожала плечами она, бросив на меня короткий взгляд. – Но вы не в ладах с женихом и, следовательно, всеми его приближенными. Не хочу, чтобы вы вновь проиграли ему в битве.

Я дотронулся до щеки; полоска шрама встретила меня холодной гладкостью новой кожи. Меня не волновал факт проигрыша принцу, но унижение, что шлейфом за ним тянулось, разжигало несвойственную мне воинственность. Меч теперь лучше лежал в моей руке, и желание вытащить его из ножен возникало все чаще, но я все же не был уверен, что смогу защититься.

– Мы не будем драться, Лэсси.

– Вы не будете, – поправила она. – Но держите меч при себе.

Поняв, что все мои фальшивые аргументы разобьются о стену упертости служанки, я даже не стал пытаться произнести хоть один из них вслух. Фэй, почувствовав себя неудобно, пообещала вскоре вернуться и тут же исчезла за тяжелой дверью. Лэсси еще какое-то время провела, перебирая бесконечные предметы одежды, и наконец нашла белый кафтан, удовлетворяющий всем требованиям: три кармана, тонкая ткань, не сковывающая движения, к тому же нестандартный крой – короткий нижний слой и удлиненная накидка, закрывающая ноги по бокам до колена. Всем, кроме цвета.

Лэсси задумчиво рассматривала вещь, подперев подбородок кулаком; я почти слышал, как мысли бегали внутри ее головы, сталкиваясь и жарко споря. Когда она подняла на меня вопросительный взгляд, я без раздумий кивнул.

– Делай, что считаешь нужным.

Довольно хихикнув и прижав к себе кафтан, вторая служанка исчезла так же быстро, как и первая.

Почти до самого вечера я пролежал в постели. Все совместные обеды были отменены по понятным причинам – еду приносили прямо в покои, – а запас непрочитанных книг, великодушно пожертвованных мне библиотекой на время болезни, все еще был огромен. Я схватил одну из них не глядя; ей оказался старинный сборник историй с до боли знакомой обложкой – подобную я видел в хранилище азаани. Он был написан на любопытной смеси языков – эльфийского и того, на каком говорили в Грее, – и, по правде говоря, его невозможно было читать. Сочетание получилось непродуманным и грязным, перепутавшиеся в кучу правила построения предложений и составления слов мешали следить за сюжетом; глаз цеплялся за ошибки в словах, пунктуации, и спустя несколько часов я обнаружил, что прочитал лишь десять страниц. Мне было интересно, как такая книга оказалась в королевской библиотеке; во времена, когда на таком языке могли говорить, о строительстве Греи еще даже не помышляли.

Лэсси вернулась, гордо держа на вытянутых руках ярко-красный кафтан. Она выглядела будто принесший добычу охотничий пес, и я едва поборол непреодолимое желание погладить ее по голове.

- Как хорошо, когда при дворе есть колдун!
- Ты ходила к магистру? – насторожился я.
- Ходила, как же! Еле поймала!

Несмотря на усталость, ее глаза светились торжеством. Жестом она заставила меня скорее подняться с постели, и я почувствовал, как заныла поясница; я давно не проводил в горизонтальном положении столько часов подряд. Тело молило о движении, будто с каждой минутой в тишине и спокойствии жизнь безжалостно его покидала.

Белая рубашка, сверху – кожаный доспех. Лэсси взяла самый тонкий из моего арсенала и затянула его так, словно то был корсет; сперва показалось, что о возможности дышать можно забыть, но спустя пару минут доспех будто стал мягче и адаптировался под вздымающуюся от дыхания грудь. Коричневые штаны, на которые я бездумно указал еще утром, по мнению служанки, отлично подошли к общему образу. Затем пояс, на него – ножны для кинжала, для меча и... мешочек с монетами. Я нахмурился.

- Пригодится, – даже не взглянув на меня, бросила Лэсси.

Кафтан. Гладкая ткань источала странный запах, природу которого я так и не смог определить, а алый цвет был столь ярким, что хотелось закрыть глаза. Рукава, казавшиеся почти невесомыми, приятно касались кожи. Лэсси настойчиво просила взглянуть в зеркало, чтобы оценить ее старания, но я так же настойчиво отказывался; по какой-то причине мне не хотелось видеть свое отражение.

Обиженная служанка громко фыркнула, сложив руки на груди. Я дотронулся до ее макушки и, приблизившись, едва коснулся ее лба губами.

- Мне незачем смотреться. Я знаю, что, если меня коснулись твои руки, я выгляжу великолепно.

Смуглые щеки покрылись румянцем, а взгляд тут же стеснительно опустился к полу. К кроткой Фэй я не проникся так, как к этому взъерошенному зверьку, вечно недовольно снующему из стороны в сторону; Лэсси казалась мне младшей сестренкой, вынужденно прислуживающей мне в силу сложившихся обстоятельств. Из нее вышла бы прекрасная эльфийка – сильная, волевая, бесстрашная. Воительница, о которой складывали бы легенды и песни.

- Когда начнется церемония?
- Через час, – отвернулась она к комоду, увлеченно поправляя нарушенный мной порядок. – Но лучше идти уже сейчас.
- Спасибо, Лэсси, – шепнул я.
- Всегда к вашим услугам, Териат.

Я улыбнулся; раньше, несмотря на сотни моих просьб, она не решалась называть меня по имени.

Глава 4

Площадь у замка была заполнена до отказа; пришлось протискиваться сквозь толпу горожан, попутно выслушивая брошенные вслед оскорбления. Я мог бы встать и сзади – не то чтобы я скучал по лику принца, – но рано или поздно стража все равно провела бы меня как гостя короны в первые ряды, и уж они бы совсем иначе обращались со стоящими на их пути.

Мне посчастливилось занять место возле семьи королевы – ее сестры и племянниц, – и юная Элоди как бы невзначай тут же оказалась подле меня.

– А в Сайлетисе существует такой обряд? – дернула она меня за рукав.

– Нет, юная госпожа, в Сайлетисе принято приносить дары лишь морю.

– А как же Богиня? – прищурилась Элоди. – Она не гневается на вас?

– Море ведь тоже принадлежит ей.

– Разве не ее мужу?

Я вскинул брови. Обычно детям мало рассказывали о супруге Богини; по большей части потому, что подобные истории могли их напугать. Мать Природа покровительствовала нашему миру: каждая частичка земли и листвы дышала ею, и именно ей мы возлагали дары, благодаря за жизнь, что наполняла наши тела; ее супруг же находился на другой стороне бытия. В его власти – лишь смерть и души, покинувшие свои тела; Отец Духов жил в каждой реке и каждом ее притоке, чтобы течением отнести души к морю – и вновь отдать их любимой, что поможет тем переродиться.

– Нет, – поправил я Элоди. – Отцу доступны лишь реки.

– Хотела бы я, чтобы и у нас женщины были главнее мужчин.

– Почему же, ваша светлость?

– Мальчишки такие глупые, – буркнула она. – Вечно лезут в драки.

– Всем нужно чем-то защищаться. Их оружие – острый меч, – пожал я плечами. – А ваше – острый ум.

Элоди хихикнула и отвернулась, из-за чего ее личико окутал вихрь пружинящих кудряшек. Беатрис провела рукой по плечам девочки и прижала ее к себе; взгляд ее был направлен куда-то далеко, на противоположную сторону площади. Я не видел там ни одного знакомого лица, лишь жриц из местного храма, пришедших провести церемонию. Высшая жрица была

одета особенно богато: струящееся одеяние с кожаным поясом, на груди – кулон с крупным кровавым рубином, в волосах – золотой венец. В руке она держала деревянный посох из двух переплетенных между собой ветвей; он возвышался над ней, будучи почти вдвое выше жрицы, и на вершине его красовался еще один кровавый рубин.

Хант появился неожиданно. Толпа разошлась, пропуская пять лошадей. Принц ехал первым и не останавливался, пока не добрался до самой середины площади; спешившись, он тут же отдал поводья подбежавшему слуге и принялся кланяться. Горожане рукоплескали ему; обаяние, которым он покориł жителей Грей, все еще оставалось для меня загадкой. Хант все не мог насытиться вниманием; он буквально слизывал с губ обожание толпы. Ариадна, ее мать и Минерва прошли вправо, встав на противоположной стороне площади; полагаю, именно их искали глаза Беатрис. Место неподалеку от них занял мужчина в красном плаще. На мгновение из-под ткани выглянула темная борода с прожилками седины; вероятно, король Дамиан.

Протрубили в рог, и принц выпрямился, напряженный, как струна. Двое огромных, жилистых мужчин – я однажды видел их на выгуле скота за городскими стенами, – старательно тащили к нему молодого бычка. Животное сопротивлялось так отчаянно, будто осознавало свою судьбу, но это едва ли кого-то волновало; подношение Богине – обязательный ритуал, пренебрегали которым лишь бедняки и глупцы.

Бой в барабан – гулкий, громкий, – и за ним – сладкое пение жриц. Их голоса завораживали, увлекая душу в танец, пока тело замирало, пораженное красотой песни. Только сейчас я заметил, что в середине площади был выложен круг, от которого по всей территории расходились лучи.

Хант, не спуская с быка глаз, медленно вытаскивал из ножен клинок. Между ними было не больше полуметра; мужчины держали животное за рога – или, скорее, то, что в будущем бы ими стало, – и запрокидывали его голову к небу. Напряжение нарастало: барабаны звучали быстрее, голоса – выше. Все взгляды были прикованы лишь к сверкающему мечу в руках принца, как вдруг музыка внезапно прекратилась. Ханту хватило мгновения, чтобы перерезать бедному животному горло и окропить его кровью выложенную камнем площадь.

В полной тишине по расходившимся от центра лучам кровь потекла к ногам всех присутствующих. Кровавое солнце осветило Грею, и высшая жрица вышла в самый его центр. Приложив рубин с медальона к глазу, она взглянула на кровавую лужу.

– Кровью окропленный благословения просит, огнем закаленный жертву приносит, – читала она церемониальную речь. – Честны ли твои чувства, муж прекрасный?

– Я прекратил распутства и блуд напрасный.

– Кровь быстро бежит – живая, алая. На вас Богиня глядит – от крови пьяная. Благословляет вас, благодарит за жертву!

– По ее лишь воле умру.

– А я – воскресну, – выкрикнула Ариадна.

Она так и не появилась в центре событий; я не знал, входило ли это в ее обязанности, но никто не высказал недовольства. Жрица нарисовала на лице Ханта несколько линий, отмечая жениха, и проследовала к Ариадне, чтобы сделать то же самое с невестой. Теперь их свадьбу невозможно было отменить; желание королей подкрепила воля Богини, а с ней спорить не смел никто. Впрочем, если Богиня в самом деле дарила бы благословение каждому, кто когда-либо забивал скот или проливал кровь, в мире не существовало бы ни одной несчастной души.

Мне казалось, что я стоял слишком далеко, чтобы до меня долетели брызги крови, но как только обряд закончился, со лба скатилась густая красная капля. Я огляделся: следы ритуала виднелись на всех, кто наблюдал зрелище из первого ряда, и я любезно предложил Элоди и Беатрис платки, что Лэсси заботливо положила в каждый карман моего наряда. До последнего держался лишь король Дамиан, но, сдавшись, и он спустил капюшон, не выдержав ощу-

щения крови на коже; его лицо оказалось нездорового серо-синего цвета. Сначала я подумал, что его мутило от вида крови, хоть это и было бы странно, учитывая его воинскую славу. Почти сошедшие синяки заметно старили южного правителя и в значительной степени позорили.

Хант торжествующе смотрел на отца, почти не скрывая отвращения. Прежде вздрагивающий от каждого его движения, теперь принц ощущал превосходство; он высокомерно задирал подбородок, а король, напротив, прятал взгляд. Если бы ударивший Дамиана был из его подданных, тот уже давно лежал бы в змеиной яме; из жителей Греи или гостей – Хант был бы первым, кого пристыдили бы за недобросовестно организованную охрану. Вывод напрашивался сам – это дело кулаков принца. Но разве мог у запуганного мальчишки появиться повод ударить того, кто всю жизнь держал его в страхе лишиться отцовской благосклонности?

Лишь один.

Мне снилось, как я отправляю стрелу прямо в его сердце, и, разбуженный торжественной песней труб, я проснулся с невероятной легкостью на душе. Богиня не омрачила день свадьбы скверной погодой, напротив – все благоволило соединению двух королевств. Уже засыпающие цветы расцвели с новой силой, одурманивая сладким запахом, а птицы запели искуснее прежнего.

Я наслаждался завтраком прямо на балконе, откуда открывался чудесный вид на сад; он пустовал, упиваясь отсутствием топчущих его дорожки каблуков. Служанки спорили о чем-то в главной комнате, звуча как еще две щебечущих птички, и периодически вбегали на балкон, моля их рассудить; я отвечал лишь снисходительной улыбкой. Признаться, мне было совершенно безразлично, в чем я появлюсь на церемонии; только если они не найдут броню, что можно надеть на сердце.

Впрочем, девушки выбрали мне отличный голубой камзол. Многим гостям на торжестве было важно представлять место, откуда они родом, и, хоть я, по легенде, старательно бежал от него как можно дальше, надеть национальный цвет Сайлетиса было важно и мне. Так я покажу, что во мне еще есть что-то от чужака, что я не пустил корни в покоях на втором этаже; покажу, что могу покинуть замок когда мне вздумается, и даже магическая сила Минервы не посмеет меня остановить.

– Понимаю, почему в Сайлетисе выбрали именно голубой, – вздохнула Фэй. – Он чудно смотрится с рыжими волосами.

Я провел рукой по щеке, пройдясь по легкой колючей щетине, и зачесал волосы назад. Пальцы скользили сквозь них так, будто те были сотканы из шелка; Лэсси добыла то королевское лимонное мыло, ноты которого я порой ловил на коже лисицы.

– Вам пора, – приказала Лэсси, складывая руки на груди. – Церемония начинается в полдень.

Даже если бы я не знал место проведения торжества, поток взволнованных гостей все равно отнес бы меня течением. Бесконечно пестрая толпа роскошных платьев заставляла щуриться, чтобы разглядеть в ней хоть какие-то лица. Госпожа Аурелия Ботрайд искренне пыталась смягчить строгое выражение лица по-девичьи нежными цветами макияжа и наряда, но выглядела скорее забавно, нежели изящно. Кудряшки юной Элоди спрятали в высокую прическу, открывая круглое личико и короткую шею. Эйнсли же была пряма и тонка; острота худых плеч оттенялась округлой, высоко поднятой корсетом грудью. Сложив руки в районе живота, она не прекращала учтиво улыбаться каждому, кто бросал на нее – пусть даже мимолетный – взгляд.

На возвышении в тронном зале, перед заботливо подготовленными королевой сундуками, стоял облаченный в мантию магистр. Серебряные волосы сияли в свете утреннего солнца, но взгляд был утомленным и скучающим. В руках его лежала потрепанная, старинная книга, похожая на те, что обычно использовали жрецы и жрицы; именно магистру выпала честь связывать судьбы двух семей. Удивительный выбор, учитывая традиции Греи, но его прибытие так или иначе не было безосновательным; даже если бракосочетание не было главной из причин, то точно попало в этот список немногим позже.

От входа к магистру вела усыпанная цветами дорожка, и все гости старательно обходили ее, боясь испортить; по обе стороны от нее – бесчисленные ряды до боли знакомых стульев из переговорных. Я хотел занять место в ряду, что был третьим от выхода, но на мое плечо приземлилась почти невесомая холодная рука.

– Составьте мне компанию, Териат, – пропела старшая принцесса, почти касаясь губами моего уха. – К тому же отсюда вы почти ничего не увидите.

Так и было задумано, хотел ответить я, но не посмел отказать фактической королеве; неподходящий момент, чтобы демонстрировать дурные манеры.

– С удовольствием, ваше вел... высочество.

Минерва вложила ладонь в предложенную мной руку и хищно ухмыльнулась. Всегда одна и та же ухмылка; она напоминала мне волчицу, знающую, что добыча не убежит от нее, как бы отчаянно ни пыталась.

Мы проследовали к первому ряду, и мое место оказалось крайним, у самого прохода. Я долго не мог устроиться на стуле, не понимая, откуда взялось столь назойливое неудобство, но, бросив взгляд налево, понял: мне мешал вьедливый взгляд Кидо. Нас разделяла лишь торжественно украшенная дорожка и тишина, что мы вынуждены были соблюдать, но его глаза и без того говорили многое.

Мощная мужская фигура опустилась на стул прямо за ним, лишь тенью сообщив о своем присутствии; даже не оборачиваясь, капитан знал, кому она принадлежит. Лэндон сидел прямо и невозмутимо, однако все его тело было напряжено.

– Прекрасный день, не правда ли?

– Не надо, – отрезал советник.

Кидо замер, будто ему отвесили пощечину.

– Что?

– Не надо делать вид, будто нам есть о чем поговорить.

– Ох, – протянул Кидо. – Темы точно найдутся.

– Послушай, капитан. – Лэндон повернулся к собеседнику, и лицо его было подобно камню; непроницаемое, твердое. – Кому доверяешь все – может столько же и отнять. Держи язык за зубами. Не только ты знаешь обо мне что-то, неизвестное другим, но и я храню множество твоих секретов.

– Давно штаны менял?

Уверенность тут же пропала с лица советника, а брови взлетели; Кидо мастерски сбивал его с толку. Если Лэндон когда-либо в самом деле доверял капитану и считал его близким дру-

гом, то сердце его, должно быть, покрыло коркой льда и сковало цепями; каждый взгляд его был тяжелее ноши, что плечи капитана могли выдержать, и Лэндон его не жалел – он с удовольствием добавлял вес.

– А то кажется, что ты обделался от испуга.

Слова Кидо выплюнул, будто те были пропитаны ядом, и советник скривился от гнева.

– Зато тебе страх неведом, да?

– Мне нечего бояться. Моя совесть чиста.

Быть может, у капитана и вправду были тайны, которые отныне находились в опасности, но ему это, казалось, было безразлично – его ранило лишь изменившееся отношение друга. Возникшее между ними напряжение, недомолвки, интриги. То, что право взглянуть на раскрытую душу Хюн Ки, которое он так старательно зарабатывал, отобрали у него в одночасье, забыв о годах преданности и искренности. Их размолвка делала капитану так больно, как наверняка не делали ссоры с женщинами, – нестерпимо, до стиснутых челюстей и дрожи в коленях. Кидо не растерял теплые чувства к давнему другу, но обида и разочарование отравляли их, убивая медленно, постепенно.

В зал, будто птица, влетела Лианна и, обменявшись парой слов с магистром, подала гостям знак занять свои места. Пальцами правой руки я сжал подлокотник стула, не зная, как иначе удержаться на месте; сбегать хотелось так сильно, будто я совершенно точно знал, что церемония кончится демонстрацией моей головы на пике. Тревожное чувство пробралось с низа живота к горлу и сдавило его, пытаясь задушить во мне остатки воли, и я закашлялся, отгоняя его прочь. Кашель разрезал воздух в полной тишине.

Спустя мгновения заиграла музыка – чарующая, как и всегда, – и все взоры обратились ко входу. Ровена в роскошном сером платье вела облаченного в белое жениха; он постоянно норовил наступить на подол королевы, но она привыкла держать лицо, и на нем не отразилось и тени недовольства. По традиции, жениха к алтарю вела его мать, невесту – ее отец, но, в силу сложившихся обстоятельств, было решено прочесть этот обычай иначе: мать Ханта хоть и была жива, но не покинула Куориан ради свадьбы сына; отец Ариадны, по воле подлых предателей, не дожил до этого дня.

Под руку с королем Дамианом невеста медленно вышагивала по усыпанному цветами полу, борясь с волнением, что запросто могло сбить ее с ног. Посеревший, пристыженный взгляд островитянина не поднимался от пола, видно, в надежде, что никто не увидит его позора; впрочем, это было вполне вероятно. Темные волосы Ариадны на фоне белого платья делали ее лицо таким выразительным, что оно притягивало взгляд, и противостоять этому было невозможно. Ее щеки горели румянцем, а губы были взволнованно приоткрыты, и весь путь до магистра она будто что-то шептала; в рое восторженных вздохов я так и не смог расслышать, что именно. Следом шла невероятно взволнованная Элоди; как и мечтала, она придерживала подол кузины, пока та не вошла на подиум.

Жениха и невесту поставили друг напротив друга – так, чтобы, произнося клятвы, они смотрели друг другу в глаза. В тех же нарядах, что и на предсвадебном балу, теперь они были окружены не тьмой, но буйством красок, и взгляды их так и норовили обратиться к залу; по большей части потому, что друг на друга смотреть было невыносимо.

– Дамы и господа, – разнесся по залу голос Рагны. – Наступил день, которого мы все так ждали. День, когда соединятся семьи правителей двух королевств. Они заключат нерушимый союз, а узы брака свяжут два любящих сердца. Ариадна из династии Уондермир и Хант из династии Гаэлит, прошу, произнесите ваши клятвы.

На мои до боли сжатые пальцы опустилась рука Минервы, и меня обдало волной пронзительного мороза.

– До глубокой старости, в нужде иль богатстве, горе иль радости, пока не проживем нашу жизнь сполна, я буду предана тебе и верна, – дрожащим голосом проговаривала Ариадна. – И свидетельница мне – луна.

– До последней капли на остром клинке, пока не потеряюсь совсем во тьме, ради тебя буду биться в каждой войне, – отчеканил в ответ Хант. – И свидетелем солнце станет мне.

Традиции любили стихосложение – тем легче передавать их из уст в уста и создавать новые, выдавая за старые. Уверен, большинство обычаев, якобы идущих испокон времен, люди выдумали одну-две сотни лет назад; они жили на свете слишком мало, чтобы кто-либо мог судить об истинном возрасте отдельных строчек.

– Ариадна, – повернулся к принцессе магистр. – Готова ли ты принять наследие чужой страны и править ею как родной?

– Готова.

Слово будто бы обрело вес и отвесило мне пощечину.

– Хант, готов ли ты пожертвовать родной страной, отдав свои силы и мудрость Грее, если ей понадобится твоя помощь?

– Готов.

Снова.

Магистр кивнул, и на щеке невесты блеснула слеза; кто-то восхищенно вздохнул, посчитав, что ее переполняло счастье.

Рука Минервы по-прежнему лежала на моей, словно будущая королева демонстрировала свои на меня права; я не был ее собственностью, но в то мгновение чувствовал себя таковой. Знал, что не могу противиться ее прикосновениям публично, ведь, опозорив ее, больше никогда не увижу всего, что люблю; а у меня на это были большие планы. Натянув улыбку, я продолжал наблюдать за ходом церемонии, согревая руку ледяной принцессы. Ариадна бросила короткий взгляд в мою сторону, и даже за то мимолетное мгновение, что он задержался на наших ладонях, я прочел вопрос, что тревожил ее сердце.

Она сделала это с тобой снова, да?

Я надеялся, что к концу вечера ответом останется слово «нет».

Рагна поднял руки над головой и трижды оглушительно хлопнул в ладоши. Показалось, будто даже солнце померкло, лишь бы представлению досталось больше внимания. Над головами новоиспеченных супругов рассыпались мириады цветных пылинок, которые, оседая, окрашивали их наряды; причудливыми узорами краска ложилась на ткань, будто проявляя уже имеющийся на ней рисунок. Цвета их династий смешались, и два серо-оранжевых одеяния присоединились к калейдоскопу нарядов в зале.

Держа в руках бархатную подушку, к пьедесталу подбежал юный, до ужаса взволнованный оруженосец. На подушке лежало два сверкающих металлом предмета, и один из них принц тут же взял в руки. Усыпанное драгоценными камнями ожерелье выглядело тяжелым и безвкусным, но, безусловно, кричало о богатстве обладателя.

– В знак единения наших семей, – произнес принц и застегнул подарок на шее жены. Ариадна подалась вперед, будто украшение потянуло ее к земле.

– В знак преданности и взаимопомощи, – выдавила она, преподнося ему искусный кинжал.

Завидев рукоятку оружия, толпа замерла: убежден, каждый подумал, что подарком окажется легендарный меч Уинфреда, так много значащий для Греи и ее жителей; к сожалению или к счастью, Ханта не настолько ценили как союзника короны.

– Прошу, вытяните руки, – ласково произнес магистр, будто церемония и вправду трогала его сердце.

На левое запястье каждого из супругов Рагна надел открытый браслет из необычного сплава металлов. Свет переливался на его отполированной поверхности, отбрасывая синие,

даже фиолетовые блики, завораживая и влюбляя. Никогда прежде я не видел подобного; в наших краях таких вещей совершенно точно не делали. Склонившись над браслетами, магистр что-то тихо нашептывал, и по залу разлился терпкий запах вербены. Из его ладоней полился теплый свет, запаивая кольца; те сжались, плотно обхватив запястья обладателей.

– Не расплавить пламенем, не разрубить мечом, – торжественно объявил магистр. – Так же как и отныне связывающие вас семейные узы.

– Отныне и навсегда, – добавил Хант.

– Отныне и навсегда, – тихо повторила Ариадна.

Во время бала Минерва не покидала меня ни на миг. Когда я кружился в танце с другой женщиной, ее волосы, будто дуновение ветра, щекотали мне шею, а от ее взгляда по спине бежали мурашки. Она была со мной, даже если нас разделяли десятки метров бального зала; поселилась под кожей ощущением чего-то холодного и захватывающего. Я не мог позволить повториться тому, что случилось на предыдущем балу, но и ей теперь не приходилось завоевывать мое внимание прикосновениями; хватало лишь намерения.

И только взгляды, что я тайком бросал на Ариадну, спасали мою душу; впрочем, и они приносили мало утешения. Она была сломлена; изображать счастье быть женой того, в присутствии кого каждый сантиметр тела полыхает стыдом и гневом, давалось ей непросто, и все же она справлялась, хоть и намеренно не прятала грусть в глазах. Я пробирался к ней через многочисленные руки и пышные подолы, через запахи духов и сладкие речи, пока она терпеливо ждала, принимая лживые поздравления.

– Ваше высочество, – поклонился я. – Прошу, подарите мне танец.

Под одобрителный кивок матери Ариадна выразила свое согласие, молча подав мне руку. По телу прокатилась волна тепла, прогоняя морозные следы, что оставили пальцы Минервы; поразительно, какими разными были главенствующие в их натурах стихии.

Впервые за день я увидел ее улыбку. Хоть я совсем не слышал музыки, танец нес нас, закручивая в водовороте таких же пар; я не видел никого, кроме измученной лисицы. Хотел бы я обратить время вспять и спрятать ее от Ханта, увезти куда-нибудь далеко, за Сапфировый океан, в места, что нам незнакомы и где никому не знакомы мы, но такой силой не обладали даже боги – что уж говорить о никчемном их слуге. Лучики морщинок в уголках ее глаз освещали мой мир, и земля уходила из-под ног.

– Не смотри на меня так, – усмехнулась принцесса. – Не то заработаешь еще один шрам.

– И не пожалею о нем ни секунды.

Мелодия подошла к концу, и тело остановилось само, последовав примеру толпы. Поклонившись в благодарность за оказанную мне честь, я поднял голову; за спиной Ариадны возник еще один серо-оранжевый наряд. Не произнеся ни слова, но всем видом выказав недовольство,

принц протянул новоиспеченной супруге руку; не имея права отказать, она приняла приглашение, и поток унес ее, тут же спрятав от моих глаз. Я sluкавил: от одного его вида мне стало не по себе. Я не желал, чтобы он принял этот танец как оскорбление; Минерва одарила его смелостью, позволившей противостоять отцу, а значит, его уязвленное самолюбие теперь едва ли можно считать слабым местом – он заткнул эту дыру слепой верой в ее жажду власти. Повелительница Греи появилась из коридора расступившихся перед ней людей; правильно считав ее намерение, я увлек ее в течение кружащейся в танце реки, но продолжал бездумно оглядываться по сторонам; я не мог сосредоточиться. Мысли спутались, а чувства перемешались, не давая разобраться, к какой из принцесс меня тянуло больше – хотел ли я сгореть в пламени или застыть во льду.

– Посмотри на меня, Териат.

Голос Минервы прозвучал тихо, но заставил обернуться. Бледное лицо, с вызовом направленное ко мне, ждало моих слов, будто она знала, что за хаос творился в моей голове.

– Вы прекрасны сегодня, – учтиво произнес я. – Как и всегда.

– Хорошо, что ты можешь смотреть мне в глаза, – улыбнулась она. – Рабы всегда смотрят вверх или вниз, но никогда – перед собой.

Ее поразительная открытость в отношениях и умыслах была выражением не самодовольства, но самоуверенности. Минерва понимала, что сделала рабами всех, кто ее окружал, – безропотные и замороженные, они выполняли все, что им приказывала королева их душ, – но и уважала тех, кому не суждено было стать рабами. Или тех, путь к покорению чьей воли оказался сложнее, чем она ожидала.

– И много ли рабов в рядах наших друзей? – изобразив удивление необычным комплиментом, поинтересовался я.

– За ошибку легче простить раба, нежели друга.

– Так обычно говорят о врагах.

– В обладании рабами нет почета, – пожала плечами она. – Но большой честью было бы иметь столько врагов.

Музыка стихла, и мы застыли; полагалось пригласить на следующий танец того, кто в тот момент так же остановился перед тобой, но, завидев короля Дамиана, старшая принцесса лишь громко фыркнула, крепче сжав мою руку. Оскорбленный островитянин посмотрел на нас исподлобья, так, будто вот-вот вонзит в кого-то из нас давно приготовленный кинжал, но спустя мгновение кивнул и удалился. Прервав наше намерение вновь поплыть по течению музыки, из толпы вынырнула растрепанная копна кудряшек и нетерпеливо дернула принцессу за подол.

– Минерва! – позвала Элоди. – Уступишь мне кавалера?

Лицо девушки, вопреки моим ожиданиям, мгновенно смягчилось. Она улыбнулась, слегка наклонив голову набок, и погладила кузину по голове; прежде я не замечал, что юная госпожа вызывала у нее столь теплые чувства. Улыбка на лице Элоди сияла ярче любого солнца; чистая, очаровательная детская душа, коей она обладала, могла влюбить в себя любого без каких-либо чар. Макушкой она едва доставала до моей груди, и чтобы наш танец не доставлял никому неудобств, левой рукой я поднял девочку и прижал к себе. Заливаясь звонким смехом, одну ладонь она вложила в мою, а вторую положила на плечо. При каждом повороте ее кудри закрывали мне обзор, но спустя столько танцев я смог бы двигаться по залу, даже если погасли бы все свечи до единой. Глаза Элоди сверкали, и она постоянно оглядывалась по сторонам; оказавшись выше многих взрослых, она будто хотела разглядеть зал с новой точки, запомнить все до мельчайших деталей, и счастье переполняло ее существо – я слышал это по тому, как часто билось ее маленькое сердце.

– Мы можем станцевать еще? – взволнованно спросила она, как только гости начали менять партнеров.

– Сколько пожелаете, – искренне улыбнулся я.

Позже госпожа Беатрис извинилась за чрезмерный интерес ее дочери, но извинения я не принял – честно признаться, общение с Элоди доставляло мне больше удовольствия, чем с любым другим придворным. В каждом сердце существовало место, отведенное семье, и юная госпожа лучше всех справлялась с тем, чтобы притупить мою тоску по дому; ее неиссякаемые любопытство и искренность не давали забыть о том, что где-то жили еще три частички моей души – такие же резвые, звонкие и свободные.

Из-за неожиданно нахлынувших чувств я совсем забыл, где нахожусь. Наконец вынырнув из бушующего потока, я прижался к стене; многие из гостей тоже утомились, предпочтя кружению тел в танце звон кубков. В шуме торжества было сложно что-либо разобрать, но как только слух зацепился за звуки ссоры, я обратил к их источнику лицо – и увидел знакомые черты.

Раскрасневшийся, заметно опьяневший капитан королевской гвардии о чем-то горячо спорил с королем Куориана. Его руки то и дело возмущенно взмывали в воздух, словно их обладатель пытался что-то доказать абсолютно безразличному к нему Дамиану; тот будто не слушал, хоть и стоял совсем рядом. Незамедлительно двинувшись в их сторону, чтобы уберечь друга от непоправимой ошибки, я весь обратился в слух.

– Ну что, ты доволен собой, ублюдок?

На мгновение я перестал дышать.

– Думаешь, тебе все позволено?

Я почувствовал, как струйка ледяного пота скатывается по моему лбу. Король по-прежнему не слушал Кидо, обратив взгляд куда-то вдаль, за его спину; я не знал, что поразило меня больше – его хладнокровие или безрассудность капитана. Ускорив шаг и почти перейдя на бег, я спешил усмирить друга, но, ошеломленный, остановился, не дойдя до него пары шагов. Король отошел, и за его спиной я увидел Лэндона, крепко вцепившегося в предплечье Кидо.

– Если ты не заткнешься прямо сейчас, – шипел он сквозь плотно сжатые зубы, – я утащу тебя отсюда силой.

– Давай, – с вызовом кивнул капитан. – Дорога до моих покоев тебе хороша знакома.

Заметив движение плеча советника – да он же сейчас его ударит! – я тут же изменил походку на вялую и качающуюся.

– Капитан Фалхолт! – окликнул я невнятно, широко раскидывая руки.

Схватив с промелькнувшего сбоку подноса кубок, я приветственно поднял его, предлагая разделить со мной тост. Лэндон бросил на меня недоверчивый взгляд, но расслабил руку, и, как только Кидо отвлекся на меня, тут же исчез в толпе. Хмурый, будто осеннее небо, капитан нехотя вылил в рот остатки вина.

– Ты и вправду бесстрашный.

– Я безмозглый, – проворчал он в ответ. – И как я мог подумать, что он на самом деле мне доверился? Я оказался лишь одним из полезных знакомств, что он так усердно заводил.

На мгновение обернувшись к основной массе гостей, я тут же поймал взгляд серо-зеленых глаз.

– Неважно, был ли это случай или расчет, – вздохнул я. – Лишь Богиня знает, к чему приведет та или иная встреча.

Глава 5

Торжество многие покинули лишь глубокой ночью; утром я даже слышал, как кто-то храпит, спрятанный под тканью штор. Хмельной дух не покидал коридоров замка до тех пор, пока гости не начали разъезжаться, однако делали они это не спеша, будто по втайне составленному графику – не больше двух человек за раз. Даже кухни принцесс покинули Грею в сопровождении слуг, а не матери, оставшейся поддержать сестру. За считанные минуты до отъезда я встретил Элоди в укромном месте за лестницей на первом этаже; прежде я замечал, что она прячется там, когда хочет побыть одна.

– Госпожа, – заглянул я к ней. – Ваш экипаж скоро отправляется.

Девочка бросилась прочь, будто не желала со мной говорить. На мгновение я предположил, что, быть может, напугал ее, но все встало на свои места, когда на лестнице показалась рассерженная фигура ее матери. Позже я нашел ее уже на улице и, надев на очаровательные кудри ромашковый венок, пожелал доброго пути. Едва сдерживая слезы, юная госпожа не спускала глаз с беспощадно отдаляющегося замка, пока тот не скрылся из виду.

Собрания в королевской столовой стали столь же частыми, как и прежде, но количество регулярно присутствовавших на них гостей увеличилось как минимум втрое. Я не знал, сколько дней, недель или месяцев знатым гостям позволено оставаться в замке после торжества, и до определенного момента не обсуждал это даже с Кидо; в конце концов, я был точно таким же гостем. Шум за столом не стихал ни на мгновение и с каждым днем становился все более невыносимым; голоса сливались в ужасающую какофонию, не позволяя вычленишь из потока речи ни единого слова. Менялось место за столом, вместе с ним – парад лиц напротив, и попытки их запомнить казались бесполезными. От места зависело лишь то, как сложно было наблюдать за теми, чье присутствие и поведение в самом деле меня волновали.

Некоторые из гостей были особенно болтливы. Меня расспрашивали о том, о чем при продумывании моей фальшивой жизни не помыслил бы даже Киан, – например, о том, бывали ли у моей матушки неудачные беременности, или о том, не случилось ли у отца рас-

стройство желудка при виде крови. Я настолько привык врать, что даже не выражал удивления или возмущения, а когда кто-либо указывал на неуместность вопросов, лишь безразлично отмахивался.

– Ваши глаза зелены, словно молодой луг, – отметил сладкоголосый юноша после пристального взгляда длиною в вечность. Он был далеким родственником принца и, подобно Ханту, ничуть не стеснялся влезать в разговор.

– Подобный цвет – не редкость для Сайлетиса, – ответил за меня Рагна.

– Вы тоже из северных краев?

Я заинтересованно повернулся к маистру; его взгляд встретил меня свежестью весеннего луга.

– Был когда-то, – улыбнулся он.

– А как зелены ваши глаза, маистр! Точь-в-точь как у сэра Териата.

– Говорят, изумруды такого цвета есть лишь в одной короне, – не прекращая жевать, бросил герцог Фалкирк. – Очень редкие.

– И в какой же?

Стоило голосу Минервы прозвучать, как все прочие тут же замолкли. Гостей будто окатило волной; до меня долетели лишь капли, и все же я почувствовал, как язык потяжелел и приклеился к небу. Герцог продолжал причмокивать, поглощая огромный кусок дичи.

– Они зовут ее «нуду эрда», – не заметив странностей, ответил он. – Или «эрла», не помню. Вроде как ей когда-то владели эльфы в горах.

– Nuru elda, – вновь вмешался маистр. – Эльфийская Погибель.

Безупречное произношение Рагны ввело меня в замешательство, но все же не так, как познания герцога об истории здешних земель. Я слышал о *nuru elda* лишь дважды, и ни разу – ничего дельного; разговоров об истории этой короны сторонились, будто соприкосновение с ней заставляло душу говорящего черстветь и темнеть. Я не влезал в такие беседы – мне не казалось это важным или интересным, – к тому же ставить мудрость старших под сомнение едва ли виделось мне хорошей идеей.

– Изумруды, цветом подходящие на глаза сэра Териата, говорите? – задумчиво протянула Минерва. – Они были бы мне к лицу.

– Как и все прочее, – вкрадчиво прошептал сидящий слева от нее Хант.

Ариадна раздраженно закатила глаза; прежде пытавшийся втереться к ней в доверие муж теперь открыто не сводил глаз с другой принцессы. Минерве это не льстило – так же, как и младшая сестра, она не удостоила его и взглядом в ответ на комплимент, но замороженного мужчину это не расстраивало; столь запретный плод все равно казался сладок.

После приемов в столовой толпа гостей неизменно перетекала в переговорные; шум тогда становился заметно слабее из-за меньшего числа голосов, но темы для разговоров там были острее, а споры – жарче. Я не решался заглянуть за дверь, даже зная, что смогу изобразить праздный интерес или неловкость – скажу, что ошибся дверью; лишь слушал, изредка проходя мимо тронного зала. Я заведомо знал, что первым тяжелые двери откроет Лэндон, и появится он разгневанным и раскрасневшимся; не смыслящие в военных делах представители знатных родов могли лишь трясти мешками с золотом, напоминая о необходимости отстаивать их интересы в предстоящей битве, однако одновременно угодить десяткам лордов едва ли казалось советнику возможным. Капитан королевской гвардии, как и его друг-странник в моем лице, не были желанными гостями на советах – в их распоряжении не было достаточных средств и влияния. Как не было и ясного понимания, к какой войне готовились все вокруг.

Я стал чаще появляться на глазах у маистра и изредка помогал ему на тренировочном поле, полном неумелых юнцов. Изображая из себя хоть и неопытного, но старательного бойца, я становился для мальчиков партнером по битве, коим колдун для них быть не хотел; хоть его тело и было молодо и прекрасно, он упорно списывал нежелание драться на возраст души.

Кидо на поле не появлялся; Рагна одним своим видом выводил его из себя настолько, что, окажись они рядом с оружием в руках, беда в замок пришла бы мгновенно – и любой догадается, кто из упрямцев пал бы в бою.

Я продолжал делать вид, что нахожусь в прекрасном расположении духа и полностью поддерживаю неизвестные мне планы королевства и *никому не принадлежащей* короны. После свадебного торжества Ровена перестала покидать покои; горе по мужу – я надеялся, что именно оно, – вновь подкосило ее, приковав к постели. Госпожа Беатрис покидала сестру, лишь чтобы навеститься к лекарю за новой порцией успокоительного эликсира. Говорили, по ночам королева истошно кричала, но Беатрис утверждала, что это не более чем грязные сплетни, а Ровене нужно лишь отдохнуть – и она вскоре придет в себя.

Минерва взяла на себя все обязанности королевы, и никто в Грее будто бы не мог и мечтать об ином исходе. В последние дни она стала чуть серьезнее: казалось, к ней пришло осознание, что власть бывает тяжелой ношей. Иногда она поручала Лэндону принимать решения за нее и скрывалась в пыльной темноте библиотеки, не выходя оттуда до глубокой ночи.

В один из вечеров я посмел к ней присоединиться.

Больше таких смельчаков не находилось, а потому наследница королевства, ничуть не скрываясь, пользовалась магией. Свечи парили в воздухе над левым плечом девушки, создавая идеальный для чтения свет, а страницы перелистывались дуновением ветра. Услышав мои шаги, принцесса вздрогнула, а вместе с ней – и все заколдованные ею предметы; капля воска упала прямо на открытую страницу книги.

Природа сил Минервы давно не давала мне покоя. В роду династии Уондермир обладать подобными способностями могла лишь Таэнья, однако никаких свидетельств тому не было; к тому же было бы странно, если бы они проявились лишь в дитя Эвеарда спустя столько лет. Вполне вероятно, ее мать не была служанкой или простолюдинкой, коей ее часто клеймили в слухах о блудливом короле. Быть может, затем принцесса и привезла Рагну из далеких земель – чтобы помочь ей в раскрытии этой тайны.

– Вы позволите, ваше высочество?

Встав напротив, я заглянул ей в глаза; отныне я намеревался всегда смотреть лишь в них. Соседнее кресло пустовало, и принцесса гостеприимно указала на него рукой.

– Не хотите сначала выбрать книгу?

– Я надеялся, вы расскажете, о чем говорится в вашей.

Минерва удивленно вскинула брови, но затем улыбнулась и одобрительно кивнула; она обожала демонстрировать свое превосходство над подданными, но при этом ей нравилось общаться с кем-то на равных – когда смысл заключался в соревновании умов, а не в битве за ее внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.